

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

АНТОН
ЧЕХОВ

Большое собрание
пьес
В ОДНОМ ТОМЕ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)1-6
Ч-56

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работ художников Александра Леонтовского, Роберта Фредерика Блюма и Николая Чехова (портрет А. П. Чехова, 1884)

Чехов, Антон Павлович.

Ч-56 Большое собрание пьес в одном томе / Антон Чехов. — Москва : Издательство «Эксмо», 2023. — 752 с.

ISBN 978-5-04-173151-9

Новаторские для своего времени пьесы А. П. Чехова сделали его имя бессмертным и в литературе и в истории театра. «Пусть на сцене все будет так же просто и так же вместе с тем сложно, как в жизни: люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни», — говорил Чехов, выводя формулу новой драмы. Драматизм повседневности, скрытый в обыденном течении жизни и стал важнейшим открытием писателя. А в результате сломаны привычные представления о драматическом действии, его завязке, кульминации и развязке, о назначении слова и молчания, жеста и взгляда. Книга представляет наиболее полное собрание пьес писателя.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)1-6

ISBN 978-5-04-173151-9

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

1878–1888

БЕЗОТЦОВЩИНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анна Петровна Войничева, молодая вдова,
генеральша.

Сергей Павлович Войничев, сын генерала Войничева
от первого брака.

Софья Егоровна, его жена.

ПОМЕЩИКИ, СОСЕДИ ВОЙНИЦЕВЫХ.

Порфирий Семенович Глагольев 1.

Кирилл Порфирьевич Глагольев 2, его сын.

Герасим Кузьмич Петрин.

Павел Петрович Щербук.

Марья Ефимовна Грекова, девушка 20 лет.

Иван Иванович Трилецкий, полковник в отставке.

Николай Иванович, его сын, молодой лекарь.

Абрам Абрамович Венгерович 1, богатый еврей.

Исак Абрамович, его сын, студент.

Тимофей Гордеевич Бугров, купец.

Михаил Васильевич Платонов, сельский учитель.

Александра Ивановна (Саша), его жена, дочь

И. И. Трилецкого.

АНТОН ЧЕХОВ

Осип, малый лет 30, конокрад.

Марко, рассыльный мирового судьи, маленький старичок.

Василий
Яков
Катя

} прислуга Войнищевых.

Гости, прислуга.

Действие происходит в имени Войнищевых
в одной из южных губерний.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Войнищевых. Стекла́нная дверь в сад и две двери во внутренние покои. Мебель старого и нового фасона, смешанная.

Рояль, возле нее пианино со скрипкою и нотами. Фисгармония.

Картины (олеография) в золоченых рамах.

Я В Л Е Н И Е I

Анна Петровна сидит за роялью, склонив голову к клавишам.

Николай Иванович Трилецкий входит.

Трилецкий (*подходит к Анне Петровне*). Что?

Анна Петровна (*поднимает голову*). Ничего... Скучненько...

Трилецкий. Дайте, mon ange¹, покурить! Плоть ужасно курить хочет. С самого утра почему-то еще не курил.

Анна Петровна (*подает ему папиросы*). Берите больше, чтобы потом не беспокоить.

Закуривают.

Скучно, Николая! Тоска, делать нечего, хандра... Что и делать, не знаю...

¹ мой ангел (*франц.*).

Трилецкий берет ее за руку.

Анна Петровна. Вы это за пульсом? Я здорова...
Трилецкий. Нет, я не за пульсом... Я чмокнуть...

Целует руку.

В вашу руку целуешь, как в подушечку... Чем это вы можете свои руки, что они у вас такие белые? Чудо руки! Даже еще раз поцелую.

Целует руку.

В шахматы, что ли?

Анна Петровна. Давайте...

Смотрит на часы.

Четверть первого... Небось, наши гости проголодались...
Трилецкий (*приготавливает шахматную доску*). По всей вероятности. Что касается меня, то я страшно голоден.

Анна Петровна. Я о вас и не спрашиваю... Вы всегда голодны, хоть и едите каждую минуту...

Садятся за шахматы.

Ходите вы... Уж и пошел... Надо сперва подумать, а потом уже и идти... Я сюда... Вы всегда голодны...

Трилецкий. Вы так пошли... Тэк-с... Голоден-с... Обедать скоро будем?

Анна Петровна. Не думаю, чтобы скоро... Повар изволил ради нашего приезда нализаться и теперь без ног. Завтракать скоро будем. Серьезно, Николай Иванович, когда вы будете сыты? Ест, ест, ест... без конца ест! Ужас что такое! Какой маленький человек и такой большой желудок!

Трилецкий. О да! Удивительно!

Анна Петровна. Забрался в мою комнату и не спросив съел полпирога! Вы знаете ведь, что это не мой пирог? Свинство, голубчик! Ходите!

Трилецкий. Ничего я не знаю. Знаю только, что он у вас там прокиснет, если я его не съем. Вы так? Можете-с... А я этак... Если я много ем, то я, значит, здоров, а если здоров, то, с вашего позволения... *Mens sana in corpore sano*¹. Зачем думаете? Ходите, милая дамочка, не думая... *(Поет.)* Я хочу вам рассказать, рассказать...

Анна Петровна. Молчите... Вы мешаете мне думать.

Трилецкий. Жаль, что вы, такая умная женщина, ничего не смыслите в гастрономии. Кто не умеет хорошо поесть, тот урод... Нравственный урод!.. Ибо... Позвольте, позвольте! Так не ходят! Ну? Куда же вы? А, ну это другое дело. Ибо вкус занимает в природе таковое же место, как и слух и зрение, то есть входит в число пяти чувств, которые всецело относятся к области, матушка моя, психологии. Психологии!

Анна Петровна. Вы, кажется, острить собираетесь... Не острите, дорогой мой! И надоело, и не к лицу вам... Вы заметили, что я не смеюсь, когда вы острите? Пора, кажется, заметить...

Трилецкий. Ваш ход, *votre excellence!*..² Берегите коня. Не смеетесь, потому что не понимаете... Так-с...

Анна Петровна. Чего глазее? Ваш ход! Как полагаете? Ваша «она» будет сегодня у нас или нет?

Трилецкий. Обещала быть. Дала слово.

Анна Петровна. Пора уж ей быть в таком случае. Первый час... Вы... извините за нескромность вопроса... Вы и с этой «да так» или же серьезно?

Трилецкий. То есть?

¹ Здоровый дух в здоровом теле. *(лат.)*

² ваше превосходительство!.. *(франц.)*

Анна Петровна. Откровенно, Николай Иванович! Не ради сплетен спрашиваю, по-приятельски... Что Грекова для вас и что вы для нее? Откровенно и без острот, пожалуйста... Ну? Ей-ей, по-приятельски спрашиваю...

Трилецкий. Что она для меня и что я для нее? Пока неизвестно-с...

Анна Петровна. По крайней мере...

Трилецкий. Езжу к ней, болтаю, надоедаю, ввожу ее маменьку в расход по кофейной части и... больше ничего. Ваш ход. Езжу, надо вам сказать, через день, а иногда и каждый день, гуляю по темным аллеям... Я толкую ей про свое, она толкует мне про свое, причем держит меня за эту пуговку и снимает с моего воротника пушок... Я ведь вечно в пуху.

Анна Петровна. Ну?

Трилецкий. Ну и ничего... Что собственно тянет меня к ней, определить трудно. Скука ли то, любовь ли, или что-либо другое прочее, не могу знать... Знаю, что после обеда мне бывает страшно скучно за ней... По случайно наведенным справкам оказывается, что и она скучает за мной...

Анна Петровна. Любовь, значит?

Трилецкий *(пожимает плечами)*. Очень может быть. Как вы думаете, люблю я ее или нет?

Анна Петровна. Вот это мило! Вам же лучше знать...

Трилецкий. Э-э... да вы не понимаете меня!.. Ваш ход!

Анна Петровна. Хожу. Не понимаю, Николя! Женщине трудно понять вас в этом отношении...

Пауза.

Трилецкий. Она хорошая девочка.

Анна Петровна. Мне нравится. Светленькая головка... Только вот что, приятель... Не наделайте-ка вы ей

как-нибудь неприятностей!.. Как-нибудь... За вами этот грех водится... Пошляетесь, пошляетесь, наговорите кучу вздора, наобещаете, разнесете славу и тем и покончите... Мне ее жалко будет... Что она теперь подделывает?..

Т р и л е ц к и й . Читает...

А н н а П е т р о в н а . И химией занимается?

Смеется.

Т р и л е ц к и й . Кажется.

А н н а П е т р о в н а . Славная... Потипше! Вы рукавом свезете! Нравится она мне со своим острым носиком! Из нее мог бы выйти недурной ученый...

Т р и л е ц к и й . Дороги не видит, бедная девочка!

А н н а П е т р о в н а . Вот что, Николая... Попросите Марью Ефимовну, чтобы она поехала ко мне немного... Я с ней познакомлюсь и... Я, впрочем, маклеровать не стану, а так только... Мы ее вместе раскусим и или отпустим с миром, или же примем ее к сведению... Авось...

Пауза.

Я считаю вас малюточкой, ветерком, а потому и вмешиваюсь в ваши дела. Ваш ход. Мой совет таков. Или не трогать ее вовсе, или же жениться на ней... Только жениться, но... не далее! Паче чаяния жениться захотите, извольте подумать сперва... Извольте рассмотреть ее со всех сторон, не поверхностно, подумать, помыслить, порассуждать, чтоб потом не плакать... Слышите?

Т р и л е ц к и й . Как же... Уши развесил.

А н н а П е т р о в н а . Знаю я вас. Всё делаете не думая и женитесь не думая. Вам только палец покажи женщина, так вы уж готовы на всякую всячину. Посоветоваться с близкими людьми должны... Да... На свою глупую голову не надейтесь. *(Стучит*

о стол.) Вот она у вас, ваша голова! *(Свистит.)* Свистит, матушка! Мозгу в ней много, да толку что-то не видно.

Т р и л е ц к и й . Свистит, точно мужик! Удивительная женщина!

Пауза.

Ездить она к вам не станет.

А н н а П е т р о в н а . Почему?

Т р и л е ц к и й . Потому что к вам шляется Платонов... Она терпеть не может его после тех его выходов. Вообразил человек, что она дура, вбил себе это в свою нечесаную голову, и теперь черт его не разубедит! Считает почему-то своею обязанностью надоедать дурам, выделывать над ними разные штуки... Ходите!.. А разве она дура? Понимает же он людей!

А н н а П е т р о в н а . Пустяки. Мы не позволим ему лишнего. Скажите ей, чтоб не боялась. А чего это Платонова так долго нет? Давно уж пора ему быть... *(Смотрит на часы.)* Невежливо с его стороны. Шесть месяцев не видались.

Т р и л е ц к и й . Когда я ехал к вам, в школе ставни были наглухо закрыты. Должно быть, спит еще. Каналья человек! Я его сам давно уж не видел.

А н н а П е т р о в н а . Здоров он?

Т р и л е ц к и й . Он всегда здоров. Жив курилка!

Входят Глагольев 1 и Войницев.

Я В Л Е Н И Е II

Те же, Глагольев 1 и Войницев.

Г л а г о л ь е в 1 *(входя)*. Так-то, милейший Сергей Павлович. В этом отношении мы, заходящие светила, лучше

и счастливее вас, восходящих. И мужчина не был, как видите, в проигрыше, и женщина была в выигрыше.

Садятся.

Сядемте, а то я утомился... Мы любили женщин, как самые лучшие рыцари, веровали в нее, поклонялись ей, потому что видели в ней лучшего человека... А женщина лучший человек, Сергей Павлович!

Анна Петровна. Зачем же мошенничать?

Трилецкий. Кто мошенничает?

Анна Петровна. А кто эту шапку сюда поставил?

Трилецкий. Да вы же сами поставили!

Анна Петровна. Ах да... Pardon...

Трилецкий. То-то что pardon.

Глагольев 1. У нас были и друзья... Дружба в наше время не была так наивна и так ненужна. В наше время были кружки, арзамасы... За друзей у нас, между прочим, было принято в огонь лазить.

Войницев (*зевает*). Славное было время!

Трилецкий. А в наше ужасное время пожарные на то есть, чтоб в огонь лазить за друзьями.

Анна Петровна. Глупо, Николая!

Пауза.

Глагольев 1. В прошлую зиму в Москве на опере я видел, как один молодой человек плакал под влиянием хорошей музыки... Ведь это хорошо?

Войницев. Пожалуй, что и очень даже хорошо.

Глагольев 1. И я так думаю. Но зачем же, скажите вы мне, пожалуйста, глядя на него, улыбались близь сидящие дамочки и кавалеры? Чему они улыбались? И он сам, заметив, что добрые люди видят его слезы, завертелся на кресле,

покраснел, состроил на своем лице скверную улыбочку и потом вышел из театра... В наше время не стыдились хороших слез и не смеялись над ними...

Трилецкий (*Анне Петровне*). Умереть этому медоточивому от меланхолии! Страсть не люблю! Уши режет!

Анна Петровна. Тссс...

Глагольев 1. Мы были счастливее вас. В наше время понимающие музыку не выходили из театра, досиживали оперу до конца... Вы зеваете, Сергей Павлович... Я оседлал вас...

Войницев. Нет... Подводите же итог, Порфирий Семеныч! Пора...

Глагольев 1. Ну-с... И так далее, и так далее... Если теперь подвести итог всему мною сказанному, то и получится, что в наше время были любящие и ненавидящие, а следовательно, и негодующие и презирующие...

Войницев. Прекрасно, а в наше время их нет, что ли?

Глагольев 1. Думаю, что нет.

Войницев встает и идет к окну.

Отсутствие этих-то людей и составляет современную чашотку...

Пауза.

Войницев. Голословно, Порфирий Семеныч!

Анна Петровна. Не могу! От него так несет этими несносными пачулями, что мне даже дурно делается. (*Кашляет.*) Отодвиньтесь немного назад!

Трилецкий (*отодвигается*). Сама проигрывает, а бедные пачули виноваты. Удивительная женщина!

Войницев. Грешно, Порфирий Семенович, бросать в лицо обвинение, основанное на одних только догадках и пристрастии к минувшей молодости!..

Глагольев 1. Может быть, я и ошибаюсь.

Войницев. Может быть... В данном случае не должно иметь места это «может быть»... Обвинение не шуточное!

Глагольев 1 (*смеется*). Но... вы сердиться, милый мой, начинаете... Гм... Одно уж это доказывает, что вы не рыцарь, что вы не умеете относиться с должным уважением к взглядам противника.

Войницев. Одно уж это доказывает, что я умею возмущаться.

Глагольев 1. Я не всех, разумеется, поголовно... Есть и исключения, Сергей Павлович!

Войницев. Разумеется... (*Кланяется.*) Покорнейше вас благодарю за уступочку! Вся прелесть ваших приемов заключается в этих уступках. Ну а что если бы наскочил на вас человек неопытный, вас не знающий, верующий в ваше знание? Ведь вам удалось бы убедить его, что мы, то есть я, Николай Иваныч, татап и вообще всё более или менее молодое, не умеем негодовать и презирать...

Глагольев 1. Но... вы уж... Я не говорил...

Анна Петровна. Я хочу Порфирия Семеновича слушать. Давайте бросим! Довольно.

Трилецкий. Нет, нет... Играйте и слушайте!

Анна Петровна. Довольно. (*Встает.*) Надоело. После доиграем.

Трилецкий. Когда проигрываю, она сидит, как приклеенная, а как только начну выигрывать, у нее является желание слушать Порфирия Семеновича! (*Глагольеву.*) И кто вас просит говорить? Мешаете только! (*Анне Петровне.*) Извольте сесть и продолжать, в противном же случае я буду считать вас проигравшей!

Анна Петровна. Считайте! (*Садится против Глагольева.*)

Я В Л Е Н И Е П П

Те же и Венгерович 1.

Венгерович 1 (*входит*). Жарко! Эта жара напоминает мне, жиду, Палестину. (*Садится у рояли и перебирает клавиши.*) Там, говорят, очень жарко!

Трилецкий (*встает*). Так и запишем. (*Вынимает из кармана записную книжку.*) Так и запишем-с, добрая женщина! (*Записывает.*) За генеральшей... за генеральшей три рубля... Итого с прежними — десять. Эге! Когда я буду иметь честь получить с вас эту сумму?

Глагольев 1. Эх, господа, господа! Не видали вы прошлого! Другое бы запели... Поняли бы... (*Вздыхает.*) Не понять вам!

Войницев. Литература и история имеет, кажется, более прав на нашу веру... Мы не видели, Порфирий Семеныч, прошлого, но чувствуем его. Оно у нас очень часто вот тут чувствуется... (*Бьет себя по затылку.*) Вот вы так не видите и не почувствуете настоящего.

Трилецкий. Прикажете считать за вами, *vous* excellence, или сейчас заплатите?

Анна Петровна. Перестаньте! Вы не даете слушать!

Трилецкий. Да зачем вы их слушаете? Они до вечера будут говорить!

Анна Петровна. Сержель, дай этому юродивому десять рублей!

Войницев. Десять? (*Вынимает бумажник.*) Давайте-ка, Порфирий Семенович, переменим разговор...

Глагольев 1. Давайте, если он вам не нравится.

Войницев. Люблю вас слушать, но не люблю слушать то, что отзывается клеветой... (*Подает Трилецкому десять рублей.*)

Трилецкий. Мерсі (*Бьет по плечу Венгеровича.*) Вот как нужно жить на этом свете! Посадила беззащитную женщину

за шахматы да и обчистил ее без зазрения совести на десять целкачей. Каково? Похвально?

Венгерович 1. Похвально. Вы, доктор, настоящий иерусалимский дворянин!

Анна Петровна. Перестаньте же, Трилецкий! (*Глагольеву.*) Так женщина лучший человек, Порфирий Семенович?

Глагольев 1. Лучший.

Анна Петровна. Гм... По-видимому, вы большой женолюбец, Порфирий Семенович!

Глагольев 1. Да, я люблю женщин. Я им поклоняюсь, Анна Петровна. Я вижу в них отчасти всё то, что я люблю: и сердце, и...

Анна Петровна. Вы им поклоняетесь... Ну а стоят они ваших поклонов?

Глагольев 1. Стоят.

Анна Петровна. Вы убеждены в этом? Сильно убеждены или только заставляете себя так думать?

Трилецкий берет скрипку и водит по ней смычком.

Глагольев 1. Сильно убежден. Достаточно знать мне одну только вас, чтобы быть убежденным в этом...

Анна Петровна. Серьезно? В вас какая-то особенная закваска.

Войницев. Он романтик.

Глагольев 1. Может быть... Что ж? Романтизм вещь не безусловно дурная. Вы изгнали романтизм... Хорошо сделали, но боюсь, что вы изгнали вместе с ним что-то другое...

Анна Петровна. Не сводите, друг мой, на полемику. Не умею спорить. Изгнали или не изгнали, но во всяком случае умней стали, слава богу! Ведь умней, Порфирий Семенович? А это главное... (*Смеется.*) Были бы умные люди, да умнели бы, а остальное само собой приложится... Ах! Не рипите, Николай Иваныч! Положите скрипку!

Трилецкий (*вешает скрипку*). Хороший инструмент.

Глагольев 1. Удачно однажды выразился Платонов... Мы, сказал он, поумнели по части женщин, а поумнеть по части женщин значит втоптать самого себя и женщину в грязь...

Трилецкий (*хохочет*). Должно быть, именинником был... Хватил лишнее...

Анна Петровна. Это он сказал? (*Смеется.*) Да, он любит иногда отпустить такие изречения... Но да ведь он для красного словца... Кстати, к слову пришлось... Кто такой, что за человек, на ваш взгляд, этот Платонов? Герой или не герой?

Глагольев 1. Как вам сказать? Платонов, по-моему, есть лучший выразитель современной неопределенности... Это герой лучшего, еще, к сожалению, ненаписанного, современного романа... (*Смеется.*) Под неопределенностью я разумею современное состояние нашего общества: русский беллетрист чувствует эту неопределенность. Он стал в тупик, теряется, не знает, на чем остановиться, не понимает... Трудно понять ведь этих господ! (*Указывает на Войничева.*) Романы донельзя плохи, натянуты, мелочны... и немудрено! Всё крайне неопределенно, непонятно... Всё смешалось до крайности, перепуталось... Вот этой-то неопределенности, по моему мнению, и является выразителем наш умнейший Платонов. Он здоров?

Анна Петровна. Говорят, что здоров.

Пауза.

Славный человек...

Глагольев 1. Да... Его грешно не уважать. Я зимой несколько раз заезжал к нему и никогда не забуду тех немногих часов, которые мне посчастливилось провести с ним.

Анна Петровна (*смотрит на часы*). Пора уже ему быть. Сергей, ты посылай за ним?

Войницев. Два раза.

Анна Петровна. Вы всё врете, господа. Трилецкий, бегите, пошлите за ним Якова!

Трилецкий *(потягивается)*. Приказать на стол собирать? Анна Петровна. Я сама прикажу.

Трилецкий *(идет и сталкивается у двери с Бугровым)*. Пыхтит, как локомотив, бакалейный человек! *(Хлопает его по животу и уходит.)*

Я В Л Е Н И Е I V

Анна Петровна, Глагольев 1, Венгерович 1,
Войницев и Бугров.

Бугров *(входя)*. Уф! Страсть как жарит! Перед дождем, знать.

Войницев. Вы из сада?

Бугров. Из сада-с...

Войницев. Софи там?

Бугров. Какая Софи?

Войницев. Моя жена. Софья Егоровна!¹

Венгерович 1. Я сейчас... *(Уходит в сад.)*

Я В Л Е Н И Е V

Анна Петровна, Глагольев 1, Войницев,
Бугров, Платонов и Саша *(в русском костюме)*.

Платонов *(в дверях Саше)*. Пожалуйста! Милости просим, молодая женщина! *(Входит за Сашей.)* Вот мы и не дома, наконец! Кланяйся, Саша! Здравствуйте, ваше превосходни-

¹ Далее утрачен лист рукописи.

тельство! *(Подходит к Анне Петровне, целует у нее одну руку и потом другую.)*

Анна Петровна. Жестокий, нелюбезный... Можно ли заставлять ждать себя так долго? Ведь вы знаете, как я нетерпелива? Дорогая Александра Ивановна... *(Целуется с Сашей.)*

Платонов. Вот мы и не дома, наконец! Слава тебе, господи! Шесть месяцев не видели мы ни паркета, ни кресел, ни высоких потолков, ниже даже людей... Всю зиму проспали в берлоге, как медведи, и только сегодня выползли на свет божий! Сергею Павловичу! *(Целуется с Войницевым.)*

Войницев. И вырос, и пополнил и... черт знает чего только... Александра Ивановна! Батюшки, как пополнила! *(Жмет Саше руку.)* Здоровы? Похорошела и пополнила!

Платонов *(пожимает руку Глагольеву)*. Порфирий Семенович... Очень рад вас видеть...

Анна Петровна. Как поживаете? Как живете-можете, Александра Ивановна? Да садитесь же, господа! Рассказывайте-ка... Сядем!..

Платонов *(хохочет)*. Сергей Павлович! Он ли это? Господи! Где же длинные волосы, блузочка и сладенький тенорок? А ну-ка, скажите-ка что-нибудь!

Войницев. Я дурандас. *(Смеется.)*

Платонов. Бас, совершенный бас! Ну? Сядем... Подвигайтесь-ка, Порфирий Семенович! Я сажусь. *(Садится.)* Садитесь, господа! Ф-ф-ф... Жара... Что, Саша! Ньюхаешь?

Садятся.

Саша. Ньюхаю.

Смех.

Платонов. Человечьим мясом пахнет. Прелесть что за запах! Мне кажется, что мы уже сто лет не видались.

Черт знает, как долго эта зима тянется! А вон и мое кресло! Узнаешь, Саша? На нем шесть месяцев тому назад про-
сиживал я дни и ночи, отыскивая с генеральшей причину
всех причин и проигрывая твои блестящие гривеннич-
ки... Жарко...

Анна Петровна. Я заждалась, терпение потеряла...
Здоровы?

Платонов. Очень здоровы... Надо вам доложить, ва-
ше превосходительство, что вы и пополнили, и чуточку по-
хорошели... Сегодня и жарко, и душно... Я уж начинаю
скучать за холодом.

Анна Петровна. Как они оба варварски пополнили!
Экий счастливый народ! Как жилось, Михаил Васильич?

Платонов. Скверно по обыкновению... Всю зиму
спал и шесть месяцев не видел неба. Пил, ел, спал, Майн
Рида жене вслух читал... Скверно!

Саша. Жилось хорошо, только скучно, разумеется...

Платонов. Не скучно, а очень скучно, душа моя. За вами
скачал страшно... Как кстати для меня теперь мои глаза! Видеть
вас, Анна Петровна, после долгого, томительнейшего безлюдья
и сквернолюдья — да ведь это непростительная роскошь!

Анна Петровна. Натя вам за это папиросу! *(Дает ему
папиросу.)*

Платонов. Merci.

Закуривают.

Саша. Вы вчера приехали?

Анна Петровна. В десять часов.

Платонов. В одиннадцать видел у вас огни, да побоял-
ся зайти к вам. Небось утомлены были?

Анна Петровна. И что б зайти! Мы до двух часов про-
болтали.

Саша шепчет Платонову на ухо.

Платонов. Ах черт возьми! *(Бьет себя по лбу.)* Вот память-то! Что же ты раньше молчала? Сергей Павлович!

Войницев. Что?

Платонов. А он и молчит! Женился и молчит! *(Встает.)* Я забыл, а они и молчат!

Саша. И я забыла, пока он тут говорил... Поздравляю вас, Сергей Павлович! Желаю вам... всего, всего!

Платонов. Честь имею... *(Кланяется.)* Совет да любовь, милый человек! Чудо сотворил, Сергей Павлович! Я от вас такого важного и отважного поступка никак не ожидал! Как скоро и как быстро! Кто мог ожидать от вас такой ереси?

Войницев. Каков я? И скоро, и быстро! *(Хохочет.)* Я сам не ожидал от себя такой ереси. Вмиг, батенька, склеилось дело. Влюбился и женился!

Платонов. Без «влюбился» не проходила ни одна зима, а в эту зиму еще и женился, цензурой обзавелся, как говорит наш поп. Жена — это самая ужасная, самая придирчивая цензура! Горе, если она глупа! Местечко нашли?

Войницев. Предлагают место в прогимназии, да не знаю, как быть. Не хотелось бы мне в прогимназию! Жалованья мало, да и вообще...

Платонов. Берете?

Войницев. Пока еще решительно ничего не знаю. Вероятно, нет...

Платонов. Гм... Гулять, значит, будем. Три года прошло с тех пор, как вы кончили университет?

Войницев. Да.

Платонов. Так... *(Вздыхает.)* Бить вас некому! Нужно будет жене вашей сказать... Прогулять три хороших года! а?

Анна Петровна. Жарко теперь толковать о высоких материях... Мне зевать хочется. Чего ради вы так долго не являлись, Александра Ивановна?

С а ш а . Времени не было... Миша клетку починял, а я в церковь ходила... Клетка поломалась, и нельзя было соловья так оставить.

Г л а г о л ь е в 1. Ав церкви же что сегодня? Праздник какой?

С а ш а . Нет... Ходила заказывать отцу Константину обедню. Сегодня именинник Мишин отец покойник, и неловко как-то не помолиться... Панихиду отслужила...

Пауза.

Г л а г о л ь е в 1. Сколько прошло с тех пор, как скончался ваш отец, Михаил Васильич?

П л а т о н о в . Года три, четыре...

С а ш а . Три года и восемь месяцев.

Г л а г о л ь е в 1. Ну-те? Боже мой! Как быстро время летит! Три года и восемь месяцев! Давно ли, кажется, мы виделись с ним в последний раз? *(Вздыхает.)* В последний раз виделись мы в Ивановке, присяжными заседателями оба были... И тогда же произошел случай, как нельзя лучше характеризующий покойника... Судили, помню, одного беденького и пьяненького казенного землемера за лихоимство и *(смеется)* оправдали... Василий Андреич, покойник, настоял... Часа три настаивал, доводы приводил, горячился... «Не обвиню его, кричит, пока вы не присягнете, что вы сами не берете взятки!» Нелогично, но... ничего с ним нельзя было поделать! Утомились мы страшно по его милости... С нами тогда был и покойный генерал Войничев, ваш супруг, Анна Петровна... Тоже человек в своем роде.

А н н а П е т р о в н а . Ну этот не оправдал бы...

Г л а г о л ь е в 1. Да, он настаивал на обвинении... Помню обоих, красных, клокочущих, свирепых... Крестьяне держали сторону генерала, а мы, дворяне, сторону Василия Андреича... Мы пересилили, разумеется... *(Смеется.)* Ваш отец вызвал генерала на дуэль, генерал назвал его... извините, подлецом... Потеха была! Мы напоили после их пья-

ными и помирили... Нет ничего легче, как мирить русских людей... Добряк был ваш отец, доброе имел сердце...

Платонов. Не доброе, а безалаберное...

Глагольев 1. Великий человек был в своем роде... Я уважал его. Мы были с ним в прекраснейших отношениях!

Платонов. Ну а вот я так не могу похвалиться этим. Я разошелся с ним, когда у меня не было еще ни волоска на подбородке, а в последние три года мы были настоящими врагами. Я его не уважал, он считал меня пустым человеком, и... оба мы были правы. Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно. Умер так, как умирают честные люди. Быть подлецом и в то же время не хотеть сознавать этого — страшная особенность русского негодяя!

Глагольев 1. De mortuis aut bene, aut nihil¹, Михаил Васильич!

Платонов. Нет... Это латинская ересь. По-моему: de omnibus aut nihil, aut veritas². Но лучше veritas, чем nihil, поучительнее, по крайней мере... Полагаю, что мертвые не нуждаются в уступке...

Входит Иван Иванович.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Иван Иванович.

Иван Иванович (*входит*). Та-та-та... Зять и дочка! Светила из созвездия полковника Трилецкого! Здравствуйте, голубчики! Салют вам из крупновской пушки! Господи, как жарко! Мишенька, голубчик мой...

¹ О мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

² обо всех или ничего, или правда (*лат.*).

П л а т о н о в *(встает)*. Здравствуй, полковник! *(Обнимает его.)* Здоров?

И в а н И в а н о в и ч . Я всегда здоров... Терпит господь и не наказывает. Сашенька... *(Целует Сашу в голову)*. Давно я вас не лицезрел... Здорова, Сашенька?

С а ш а . Здорова... Ты здоров?

И в а н И в а н о в и ч *(садится рядом с Сашей)*. Я всегда здоров. Во всю жизнь мою ни разу не был болен... Давно уж я вас не видел! Каждый день все собираюсь к вам, внучка повидать да с зятьком свет белый покритиковать, да никак не соберусь... Занят, ангелы мои! Позавчера хотел к вам поехать, новую двустволочку желал показать тебе, Мишенька, да исправник остановил, в преферанс засадил... Славная двустволочка! Аглицкая, сто семьдесят шагов дробью наповал... Внучек здоров?

С а ш а . Здоров, тебе кланяется...

И в а н И в а н о в и ч . Разве он умеет кланяться?

В о й н и ц е в . Сие нужно понимать духовно.

И в а н И в а н о в и ч . Ну да, ну да... Духовно... Скажи ему, Сашурка, чтоб скорей рос. На охоту возьму с собой... Для него я уже и двустволочку маленькую приготовил... Охотника из него сделаю, чтоб было кому после смерти свои охотничьи причиндалы оставить...

А н н а П е т р о в н а . Душка этот Иван Иваныч! Мы с ним на Петров день перепелов стрелять поедем.

И в а н И в а н о в и ч . Го-го! Мы, Анна Петровна, на бекасов поход устроим. Мы на Бесово болотце полярную экспедицию устроим...

А н н а П е т р о в н а . Попробуем вашу двустволочку...

И в а н И в а н о в и ч . Попробуем. Диана божественная! *(Целует ее руку.)* Помните, матушка, прошлый год? Ха-ха! Люблю таких особ, побей меня бог! Не люблю малодушья! Вот она где самая-то и есть эмансипация женская! Ее в плечико нюхаешь, а от нее порохом, Ганнибалами да Га-

миллькарами пахнет! Воевода, совсем воевода! Дай ей эполеты, и погиб мир! Поедем! И Сашку с собой возьмем! Всех возьмем! Покажем им, что значит кровь военная, Диана божественная, ваше превосходительство, Александра Македонская!

Платонов. А ты уже клюкнул, полковник?

Иван Иванович. Разумеется... Sans doute...¹

Платонов. То-то ты так и раскудахтался.

Иван Иванович. Я приехал сюда, братец ты мой, часов в восемь... Все еще спали... Пришел сюда, да и давай ногами стучать... Смотрю, выходит она... смеется... Бутылочку мадерки распили. Диана три рюмочки выпила, а я остальное...

Анна Петровна. А нужно это рассказывать!

Вбегает Трилецкий.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Трилецкий.

Трилецкий. Господам родственникам!

Платонов. А-а-а... Плохой лейб-медик ее превосходительства! Argentum nitricum... aquae destillatae...² Очень рад видеть, любезный! Здоров, сияет, блещет и пахнет!

Трилецкий (*целует Сашу в голову*). Да и разнесли же черти твоего Михаила! Бык, настоящий бык!

Саша. Фи, как от тебя духами пахнет! Здоров?

Трилецкий. Здоровехонек. Умно сделали, что пришли. (*Садится*.) Как дела, Мишель?

¹ Без сомнения (*франц.*).

² Ляпис... дистиллированной воды (*лат.*).

Платонов. Какие?

Трилецкий. Твой, разумеется.

Платонов. Мои? А кто их знает, каковы они! Долго, брат, рассказывать, да и неинтересно. Где это ты так шикарно остригся? Хороша прическа! Стоит целковый?

Трилецкий. Меня не цирюльник чешет... У меня на это дамы есть, а дамам я не за прическу плачу целковые... *(Ест мармелад.)* Я, братец ты мой...

Платонов. Состричь хочешь? Ни, ни, ни... Не беспокойся! Избавь, пожалуйста.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, Петрин и Венгерович 1.

Петрин входит с газетой и садится. Венгерович 1
садится в угол.

Трилецкий *(Ивану Ивановичу)*. Заплачь, отче!

Иван Иванович. Для чего мне плакать?

Трилецкий. Да вот, например, хоть от радости... Взгляни на меня! Это сын твой!.. *(Указывает на Сашу.)* Это дочь твоя! *(Указывает на Платонову.)* Этот юноша зять твой! Дочь-то одна чего стоит! Это перл, папаша! Один только ты мог породить такую восхитительную дочь! А зять?

Иван Иванович. Чего же мне, друг мой, плакать? Плакать не нужно.

Трилецкий. А зять? О... это зять! Другого такого не сыщешь, хоть обрыскай всю вселенную! Честен, благороден, великодушен, справедлив! А внук?! Что это за мальчишка разанафемский! Машет руками, тянется вперед этак и всё пищит: «дедь! дедь! где дедь? Подайте-ка мне сюда его, разбойника, подайте-ка мне сюда его усищи!»

Иван Иванович (*вытаскивает из кармана платок*). Чего же плакать? Ну и слава богу... (*Плачет.*) Плакать не нужно.

Трилецкий. Ты плачешь, полковник?

Иван Иванович. Нет... Зачем? Ну и слава тебе, господи!.. Что ж?..

Платонов. Перестань, Николай!

Трилецкий (*встает и садится рядом с Бугровым*). Жаркий нонче темперамент в воздухе, Тимофей Гордеич!

Бугров. Это действительно. Жарко, как в бане на самой верхней полочке. Темперамент в градусов тридцать, надо полагать.

Трилецкий. Что бы это значило? Отчего это так жарко, Тимофей Гордеич?

Бугров. Вам это лучше знать.

Трилецкий. Я не знаю. Я по докторской части шел.

Бугров. А по-моему-с, оттого так жарко, что мы засмеялись бы с вами, ежели б в июне месяце было холодно.

Смех.

Трилецкий. Так-с... Теперь понимаю... Что лучше для травы, Тимофей Гордеич, климат или атмосфера?

Бугров. Все хорошо, Николай Иваныч, только для хлеба дождик нужней... Что толку с климата, ежели дождя нет? Без дождя он и гроша медного не стоит.

Трилецкий. Так... Это правда... Вашими устами, надо полагать, гласит сама мудрость. А какого вы мнения, господин бакалейный человек, касательно остального прочего?

Бугров (*смеется*). Никакого.

Трилецкий. Что и требовалось доказать. Умнейший вы человек, Тимофей Гордеич! Ну, а какого вы мнения насчет того астрономического фокуса, чтобы Анна Петровна дала нам поесть? а?

А н н а П е т р о в н а . Подождите, Трилецкий! Все ждут, и вы ждите!

Т р и л е ц к и й . Аппетитов она наших не знает! Не знает она, как нам с вами, а в особенности вам со мной выпить хочется! А славно мы выпьем и закусим, Тимофей Гордеич! Во-первых... Во-первых... *(Шепчет Бугрову на ухо.)* Плохо? Это за галстух... Crematum simplex...¹ Там всё есть: и распивочно и навынос... Икра, балык, семга, сардины... Далее — шести- или семиэтажный пирог... Во какой! Начинен всевозможными чудесами флоры и фауны Старого и Нового Света... Скорей бы только... Сильно голоден, Тимофей Гордеич? Откровенно...

С а ш а *(Трилецкому)*. Не так тебе есть хочется, как бунт поднимать! Не любишь, когда люди покойно сидят!

Т р и л е ц к и й . Не люблю, когда людей голодом морят, толстуха!

П л а т о н о в . Ты сейчас сострил, Николай Иваныч, отчего же это не смеются?

А н н а П е т р о в н а . Ах, как он надоел! Как он надоел! Нахален до безобразия! Это ужасно! Ну подождите же, скверный человек! Я вам дам поесть! *(Уходит.)*

Т р и л е ц к и й . Давно бы так.

Я В Л Е Н И Е I X

Те же, кроме Анны Петровны.

П л а т о н о в . Впрочем, не мешало бы... Который час? Я тоже голоден...

В о й н и ц е в . Где же моя жена, господа? Платонов ведь ее не видел еще... Надо познакомить. *(Встает.)* Пойду ее

¹ Простой продукт *(лат.)*.

искать. Ей так понравился сад, что она никак не расстанется с ним.

Платонов. Между прочим, Сергей Павлович... Я просил бы вас не представлять меня вашей супруге... Мне хотелось бы знать, узнает она меня или нет? Я когда-то был с ней знаком немножко и...

Войницев. Знакомы? С Соней?

Платонов. Был во время оно... Когда еще был студентом, кажется. Не представляйте, пожалуйста, и молчите, не говорите ей ни слова обо мне...

Войницев. Хорошо. Этот человек со всеми знаком! И когда он успевает знакомиться? *(Уходит в сад.)*

Трилецкий. А какую я важную корреспонденцию поместил в «Русском курьере», господа! Читали? Вы читали, Абрам Абрамыч?

Венгерович 1. Читал.

Трилецкий. Не правда ли, замечательная корреспонденция? Вас-то, вас, Абрам Абрамыч, каким я людоедом выставил! Такое про вас написал, что вся Европа ужаснется!

Петрин *(хохочет)*. Так это вот про кого?! Вот кто этот В.! Ну, а кто же Б.?

Бугров *(смеется)*. Это я-с. *(Вытирает лоб.)* Бог с ними!

Венгерович 1. Что ж! Это очень похвально. Если бы я умел писать, то непременно писал бы в газеты. Во-первых, деньги за это дают, а во-вторых, у нас почему-то принято пишущих считать очень умными людьми. Только не вы, доктор, написали эту корреспонденцию. Ее написал Порфирий Семеныч.

Глагольев 1. Вы откуда это знаете?

Венгерович 1. Знаю.

Глагольев 1. Странно... Я писал, это правда, но откуда вам это известно?

Венгерович 1. Всё можно узнать, лишь бы только желание было. Вы заказным посылали, ну а приемщик на нашей почте имеет хорошую память. Вот и всё... И разгадывать нечего. Мое еврейское ехидство тут ни при чем... *(Смеется.)* Не бойтесь, мстить не стану.

Глагольев 1. Я и не боюсь, но... мне странно!

Входит Грекова.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Грекова.

Трилецкий *(вскакивает)*. Марья Ефимовна! Вот это так мило! Вот это так сюрприз!

Грекова *(подаёт ему руку)*. Здравствуйте, Николай Иванович! *(Кивает всем головой.)* Здравствуйте, господа!

Трилецкий *(снимает с нее тальму)*. Стащу с вас тальмочку... Живы, здоровы? Здравствуйте еще раз! *(Целует руку.)* Здоровы?

Грекова. Как всегда... *(Конфузится и садится на первое попавшееся стуло.)* Анна Петровна дома?

Трилецкий. Дома. *(Садится рядом.)*

Глагольев 1. Здравствуйте, Марья Ефимовна!

Иван Иванович. Это Марья Ефимовна? Насилу узнал! *(Подходит к Грековой и целует у нее руку.)* Имею счастье видеть... Весьма приятно...

Грекова. Здравствуйте, Иван Иванович! *(Кашляет.)* Ужасно жарко... Не целуйте мне, пожалуйста, рук... Я себя неловко чувствую... Не люблю...

Платонов *(подходит к Грековой)*. Честь имею кланяться!.. *(Хочет поцеловать руку.)* Как поживаете? Дайте же руку!

Грекова *(отдергивает назад руку)*. Не нужно...

Платонов. Почему? Недостойн?

Грекова. Не знаю, достойны вы или недостойны, но... вы ведь неискренно?

Платонов. Неискренно? Почему же вы знаете, что неискренно?

Грекова. Вы не стали бы целовать моей руки, если бы я не сказала, что я не люблю этого целования... Вы вообще любите делать то, чего я не люблю.

Платонов. Сейчас уж и заключение!

Трилецкий *(Платонову)*. Отойди!

Платонов. Сейчас... Как ваш клоповый эфир, Марья Ефимовна?

Грекова. Какой эфир?

Платонов. Я слышал, что вы добываете из клопов эфир... Хотите обогатить науку... Хорошее дело!

Грекова. Вы всё шутите...

Трилецкий. Да, он всё шутит... Итак, значит, вы приехали, Марья Ефимовна... Как ваша тата поживает?

Платонов. Какая вы розовенькая! Как вам жарко!

Грекова *(встает)*. Для чего вы мне это всё говорите?

Платонов. Поговорить хочу с вами... Давно с вами не беседовал. Зачем же сердиться? Когда же, наконец, вы перестанете на меня сердиться?

Грекова. Я замечаю, что вы чувствуете себя не в своей тарелке, когда видите меня... Не знаю, чем я вам мешаю, но... Я делаю вам удовольствие и по возможности избегаю вас... Если бы Николай Иванович не дал мне честного слова, что вы здесь не будете, то я не приехала бы сюда... *(Трилецкому)*. Стыдно вам лгать!

Платонов. Стыдно тебе лгать, Николай! *(Грековой)*. Вы плакать собираетесь... Поплачьте! Слезы приносят иногда облегчение...

Грекова быстро идет к двери, где встречается
с Анной Петровной.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Анна Петровна.

Трилецкий (*Платонову*). Глупо... глупо! Понимаешь ты? Глупо! Еще раз и... мы враги!

Платонов. Ты-то тут при чем?

Трилецкий. Глупо! Ты не знаешь, что ты Анна делаешь!

Глагольев 1. Жестоко, Михаил Васильич!

Анна Петровна. Марья Ефимовна! Как я рада! (*Пожимает Грековой руку.*) Очень рада... Вы такая редкая у меня гостья... Вы приехали, и я вас люблю за это... Сядемте...

Садятся.

Очень рада... Спасибо Николаю Ивановичу... Он потрудился выклянчить вас из вашей деревеньки...

Трилецкий (*Платонову*). А если я ее люблю, положим?

Платонов. Люби... Сделай такое одолжение!

Трилецкий. Не знаешь ты, что ты говоришь!

Анна Петровна. Как вы поживаете, моя дорогая?

Грекова. Благодарю.

Анна Петровна. Вы утомлены... (*Смотрит ей в лицо.*) Проехать двадцать верст мудрено без привычки...

Грекова. Нет... (*Подносит к глазам платок в плачет.*) Нет...

Анна Петровна. Что с вами, Марья Ефимовна?

Пауза.

Грекова. Нет...

Трилецкий ходит по сцене.

Глагольев 1 (*Платонову*). Надо вам извиниться, Михаил Васильич!

Платонов. Для чего?

Глагольев 1. Вы спрашиваете?! Вы были жестоки...

Саша *(подходит к Платонову)*. Объяснись, а то я уйду!.. Извинись!

Анна Петровна. Я сама имею обыкновение плакать после дороги... Нервы расстраиваются!..

Глагольев 1. Наконец... Я хочу этого! Нелюбезно! Не ожидал я от вас!

Саша. Извинись, тебе говорят! Бессовестный!

Анна Петровна. Понимаю... *(Смотрит на Платонову.)* Успел уж... Извините меня, Марья Ефимовна. Я забыла поговорить с этим... с этим... Я виновата...

Платонов *(подходит к Грековой)*. Марья Ефимовна!

Грекова *(поднимает голову)*. Что вам угодно?

Платонов. Извиняюсь... Публично прошу прощения... Сгораю от стыда на пятидесяти кострах!.. Давайте же руку... Клянусь честью, что искренно... *(Берет ее руку.)* Помиримся... Не будем хныкать... Мир? *(Целует руку.)*

Грекова. Мир. *(Закрывает платком лицо и убегает.)*

За ней уходит Трилецкий.

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же, кроме Грековой и Трилецкого.

Анна Петровна. Не думала, что вы позволите себе... Вы!

Глагольев 1. Осторожность, Михаил Васильич, ради бога осторожность!

Платонов. Довольно... *(Садится на диван.)* Бог с ней... Я сделал глупость, что заговорил с ней, а глупость не стоит того, чтобы о ней много говорили...

Анна Петровна. Для чего Трилецкий пошел за ней? Не всем женщинам приятно, если видят их слезы.

Глагольев 1. Уважаю я в женщинах эту чуткость... Особенного ничего ведь вы... не сказали ей, кажется, но... Один намек, словечко...

Анна Петровна. Нехорошо, Михаил Васильич, нехорошо.

Платонов. Я извинился, Анна Петровна.

Входят Войницев, Софья Егоровна
и Венгерович 2.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же, Войницев, Софья Егоровна, Венгерович 2
и потом Трилецкий.

Войницев (*вбегают*). Идет, идет! (*Поет.*) Идет!

Венгерович 2 становится у дверей, скрестив на груди руки.

Анна Петровна. Наконец-то Софи надоел этот несносный зной! Милости просим!

Платонов (*в стороне*). Соня! Творец небесный, как она изменилась!

Софья Егоровна. Я так заболталась с т-м Венгеровичем, что совершенно забыла про зной... (*Садится на диван на аршин от Платонова.*) Я в восторге от нашего сада, Сергей.

Глагольев 1 (*садится возле Софьи Егоровны*). Сергей Павлович!

Войницев. Что прикажете?

Глагольев 1. Софья Егоровна, милейший мой друг, дала мне слово, что в четверг вы все будете у меня.

Платонов (*в сторону*). На меня посмотрела!
Войницева. Мы и сдержим это слово. Прикатим к вам целой компанией...

Трилецкий (*входит*). О женщины, женщины! сказал Шекспир и сказал неправду. Нужно было сказать: ах вы, женщины, женщины!

Анна Петровна. Где Марья Ефимовна?

Трилецкий. Я ее в сад проводил. Пусть себе пошляется с горя!

Глагольев 1. Вы у меня еще ни разу не были, Софья Егоровна! У меня вам, надеюсь, понравится... Сад получше вашего, река глубокая, лошадки есть хорошие...

Пауза.

Анна Петровна. Молчание... Дурак родился.

Смех.

Софья Егоровна (*тихо Глагольеву, кивая на Платонова*). Кто это такой? Вот этот, что рядом со мной сидит!

Глагольев 1 (*смеется*). Это наш учитель... Фамилии не знаю...

Бугров (*Трилецкому*). Скажите мне на милость, Николай Иванович, вы всякие болезни лечить можете или не всякие?

Трилецкий. Всякие.

Бугров. И сибирку?

Трилецкий. И сибирку.

Бугров. А ежели собака бешеная укусит, и это можете?

Трилецкий. А вас бешеная собака укусила? (*Отодвигается от него.*)

Бугров (*конфузится*). Боже меня сохрани! Что это вы, Николай Иванович! Христос с вами!

Смех.

Анна Петровна. Как к вам ехать, Порфирий Семеныч? Через Юсновку?

Глагольев 1. Нет... Круг дадите, если поедете через Юсновку. Езжайте прямо на Платоновку. Я обитаю почти что в самой Платоновке, в двух верстах от нее.

Софья Егоровна. Я знаю эту Платоновку. Она всё еще существует?

Глагольев 1. Как же...

Софья Егоровна. Я когда-то с ее помещиком была знакома, с Платоновым. Сергей, ты не знаешь, где теперь этот Платонов?

Платонов *(в сторону)*. Спросила бы она у меня, где он.

Войницев. Кажется, знаю. Не помнишь ли, как его зовут? *(Смеется.)*

Платонов. Я тоже когда-то был с ним знаком. Его зовут, кажется, Михаилом Васильичем.

Смех.

Софья Егоровна. Да, да... Его зовут Михаилом Васильичем. Когда я была с ним знакома, он был еще студентом, почти мальчиком... Вы смеетесь, господа... А я, право, ничего не нахожу остроумного в моих словах...

Анна Петровна *(хохочет и указывает на Платонова)*. Да узнайте же его, наконец, а то он лопнет от нетерпения!

Платонов поднимается.

Софья Егоровна *(поднимается и смотрит на Платонова)*. Да... он. Что же вы молчите, Михаил Васильич?.. Неужели... это вы?

Платонов. Не узнаете, Софья Егоровна? И немудрено! Прошло четыре с половиной года, почти пять лет, а никакие крысы не в состоянии изгрызть так хорошо человеческую физиономию, как мои последние пять лет.

Софья Егоровна *(подает ему руку)*. Я теперь только начинаю узнавать вас. Как вы изменились!

Войницева *(подводит к Софье Егоровне Саши)*. А это, рекомендую тебе, его жена!.. Александра Ивановна, сестра остроумнейшего из людей — Николая Иваныча!

Софья Егоровна *(подает Саше руку)*. Очень приятно. *(Садится.)* Вы уж и женаты!.. Давно ли? Впрочем, пять лет...

Анна Петровна. Молодец, Платонов! Он нигде не бывает, но всех знает. Это, Софи, рекомендую вам, наш друг!

Платонов. Этой роскошной рекомендации достаточно для того, чтобы иметь право спросить вас, Софья Егоровна, как вы вообще поживаете? Как ваше здоровье?

Софья Егоровна. Поживаю вообще очень сносно, но здоровье плоховато. Вы как поживаете? Что поделяваете теперь?

Платонов. Со мной судьба моя сыграла то, чего я ни в каком случае не мог предполагать в то время, когда вы видели во мне второго Байрона, а я в себе будущего министра каких-то особенных дел и Христофора Колумба. Я школьный учитель, Софья Егоровна, только всего.

Софья Егоровна. Вы?

Платонов. Да, я...

Пауза

Пожалуй, что немножко и странно...

Софья Егоровна. Невероятно! Почему же... Почему же не больше?

Платонов. Мало одной фразы, Софья Егоровна, чтобы ответить на ваш вопрос...

Пауза.

Софья Егоровна. Университет вы по крайней мере кончили?

Платонов. Нет. Я его бросил.

Софья Егоровна. Гм... Это все-таки не мешает ведь вам быть человеком?

Платонов. Виноват... Я не понимаю вашего вопроса...

Софья Егоровна. Я неясно выразилась. Это вам не мешает быть человеком... тружеником, хочу сказать, на поприще... ну хоть, например, свободы, эмансипации женщин... Не мешает это вам быть служителем идеи?

Трилецкий *(в сторону)*. Завралась!

Платонов *(в сторону)*. Вот как! Гм... *(Ей.)* Как вам сказать? Пожалуй, что это и не мешает, но... чему же мешать-то? *(Смеется.)* Мне ничто не может мешать... Я лежачий камень. Лежачие камни сами созданы для того, чтоб мешать...

Входит Щербук.

Я В Л Е Н И Е X I V

Те же и Щербук.

Щербук *(в дверях)*. Лошадям овса не давай: плохо везли!

Анна Петровна. Ура! Мой кавалер пришел!

Все. Павел Петрович!

Щербук *(молча целует у Анны Петровны и Саши руку, молча кланяется мужчинам, каждому отдельно и отдает общий поклон)*. Друзья мои! Скажите мне, недостойному субъекту, где та особа, видеть которую душа моя стремится? Подозрение имею и думаю, что эта особа — оне! *(Указывает на Софью Егоровну.)* Анна Петровна, позвольте мне просить вас отрекомендовать меня им, чтобы они знали, что я такой за человек!

Анна Петровна (*берет его под руку и подводит к Софье Егоровне*). Отставной гвардии корнет Павел Петрович Щербук!

Щербук. А касательно чувств?

Анна Петровна. Ах да... Наш приятель, сосед, кавалер, гость и кредитор.

Щербук. Действительно! Друг первейший его превосходительства покойничка генерала! Под предводительством его брал крепости, именуемые женским полонезом. (*Кланяется.*) Позвольте ручку-с!

Софья Егоровна (*протягивает руку и отдергивает ее назад*). Очень приятно, но... не нужно.

Щербук. Обидно-с... Вашего супруга на руках носил, когда он еще под стол пешком ходил... Я от него знак имею и знак сей в могилу унесу. (*Открывает рот.*) В-во! Зуба нет! Замечаете?

Смех.

Я его на руках держал, а он, Сереженька-то, пистолетом, коим забавляться изволил, мне по зубам реприманду устроил. Хе, хе, хе... Шалун! Вы его, матушка, не имею чести знать имени и отчества, в строгости содержите! Красотой своей вы мне одну картину напоминаете... Носик только не такой... Не дадите ручки?

Петрин подсаживается к Венгеровичу 1 и читает ему вслух газету.

Софья Егоровна (*протягивает руку*). Если вы уж так...

Щербук (*целует руку*). Merci вас! (*Платонову.*) Как здоровье, Мишенька? Молодец-то какой вырос! (*Садится.*) Я знал тебя еще в тот период, когда ты на свет божий с недоумением глядел... И всё растет, и всё растет... Тьфу! чтоб не

сглазить! Молодчина! Красавец-то какой! Ну чего, купидон, по военной не идешь?

Платонов. Грудью слаб, Павел Петрович!

Щербук (*указывает на Трилецкого*). Он сказал? Верь ему, свистуну, так без головы останешься!

Трилецкий. Прошу не ругаться, Павел Петрович!

Щербук. Он мне поясницу лечил... Того не ешь, другого не ешь, на полу не спи... Ну и не вылечил. Я его и спрашиваю: «Зачем же ты деньги взял, а не вылечил?» А он и говорит: «Что-нибудь из двух, говорит, или лечить, или деньги брать». Каков молодец?

Трилецкий. Для чего же врать, Вельзевул Буцефалович? Сколько вы мне дали денег, позвольте вас спросить? Припомните-ка! Съездил я к вам шесть раз и получил только всего рубль, да еще порванный рубль... Хотел его нищему дать, да нищий не взял. «Порван, говорит, очень, номеров нет!»

Щербук. И ездил шесть раз не потому, что я болен был, а потому, что у моего арендатора дочка кельк шоз¹.

Трилецкий. Платонов, ты близко к нему сидишь... Щелкни его раз от моего имени по лысине! Сделай милость!

Щербук. Отстань! Довольно! Не раздражай спящего льва! Молод еще, еле видим! (*Платонову.*) И отец твой был молодец! Мы с ним, с покойничком, большие друзья были. Штукарь он был! Теперь таких и нет проказников, какими мы с ним были... Эхх. Прошло время... (*Петрину.*) Герася! Побойся всевышнего! Мы здесь беседуем, а ты вслух читаешь! Имей деликатность!

Петрин продолжает читать.

¹ кое-что (*франц.* quelque chose).

С а ш а *(толкает Ивана Ивановича в плечо)*. Папа! Папа, не спи здесь! Стыдно!

Иван Иванович просыпается и чрез минуту опять засыпает.

Щ е р б у к . Нет... Не могу я говорить!.. *(Встает.)* Его слушайте... Он читает!..

П е т р и н *(встает и подходит к Платонову)*. Что вы сказали-с?

П л а т о н о в . Решительно ничего...

П е т р и н . Нет, вы что-то сказали-с... Вы сказали что-то про Петрина...

П л а т о н о в . Вам приснилось, должно быть...

П е т р и н . Критикуете-с?

П л а т о н о в . Ничего я не говорил! Уверяю вас, что вам это приснилось!

П е т р и н . Можете говорить, сколько вам угодно... Петрин... Петрин... Что Петрин? *(Кладет газету в карман.)* Петрин, может быть, в университете обучался, кандидат прав, может быть... Вам это известно?.. Ученое звание за мной до гроба останется... Так-то-с. Надворный советник... Вам это известно? И пожил побольше вашего. Шестой десяток, слава богу, доживаю.

П л а т о н о в . Очень приятно, но... что же из этого следует?

П е т р и н . Поживите с мое, душенька, так узнаете! Жизнь пережить не шутка! Жизнь кусается...

П л а т о н о в *(пожимает плечами)*. Право, не знаю, что вы хотите этим сказать, Герасим Кузьмич... Я вас не понимаю... Начали вы о себе, а с себя съехали на жизнь... Что может быть общего между вами и жизнью?

П е т р и н . Вот как ломает вас жизнь, потрясет хорошенько, тогда сами на молодых с предостережением смотреть

станете... Жизнь, сударь мой... Что такое жизнь? А вот что-с! Когда родится человек, то идет на одну из трех дорог жизненных, кроме которых других путей не имеется: пойдешь направо — волки тебя съедят, пойдешь налево — сам волков съешь, пойдешь прямо — сам себя съешь.

Платонов. Скажите... Гм... Вы пришли к этому умозаключению путем науки, опыта?

Петрин. Путем опыта.

Платонов. Путем опыта... *(Смеется.)* Говорите, почтенный Герасим Кузьмич, кому-нибудь другому, а не мне... Вообще бы я вам советовал не говорить со мной о высоких материях... И смеюсь, и, ей-богу, не верю. Не верю я вашей старческой, самоделковой мудрости! Не верю, друзья моего отца, глубоко, слишком искренно не верю вашим простым речам о мудреных вещах, всему тому, до чего вы дошли своим умом!

Петрин. Да-с... Действительно... Из молодого деревца всё сделаешь: и домик, и корабль, и всё... а старое, широкое да высокое, ни к черту не годится...

Платонов. Я не говорю вообще про стариков; я говорю про друзей моего отца.

Глагольев 1. Я тоже был другом вашего отца, Михаил Васильич!

Платонов. Мало ли у него было друзей... Бывало, весь двор был запружен каретами да колясками.

Глагольев 1. Нет... Но, значит, и мне вы не верите? *(Хохочет.)*

Платонов. Гм... Как вам сказать?.. И в вас, Порфирий Семеныч, плохо верю.

Глагольев 1. Да? *(Протягивает ему руку.)* Спасибо, дорогой мой, за откровенность! Ваша откровенность еще более привязывает меня к вам.

Платонов. Вы добряк... Я даже глубоко уважаю вас, но... но...

Глагольев 1. Пожалуйста, говорите!

Платонов. Но... но нужно быть слишком доверчивым, чтобы верить в тех фонвизинских солидных Стародумов и сахарных Милонов, которые всю свою жизнь ели щи из одной чашки со Скотиниными и Простаковыми, и в тех сатрапов, которые потому только и святы, что не делают ни зла, ни добра. Не рассердитесь, пожалуйста!

Анна Петровна. Не люблю я подобных бесед, а в особенности, если они ведутся Платоновым... Всегда плохо оканчиваются. Михаил Васильич, рекомендую вам нашего нового знакомого! (*Указывает на Венгеровича 2.*) Исак Абрамович Венгерович, студент...

Платонов. А... (*Встает и идет к Венгеровичу 2.*) Очень приятно! Очень рад. (*Протягивает руку.*) Дорого я дал бы теперь, чтобы иметь право опять называться студентом...

Пауза.

Я вам руку подаю... Берите же мою или давайте мне свою...

Венгерович 2. Я не сделаю ни того, ни другого...

Платонов. Что?

Венгерович 2. Я не подам вам своей руки.

Платонов. Загадка... Почему-с?

Анна Петровна (*в сторону*). Черт знает что!

Венгерович 2. Потому что я имею на это основание... Я презираю таких людей, как вы!

Платонов. Брависсимо... (*Осматривает его.*) Я сказал бы вам, что это мне ужасно нравится, если бы это не пощекотало вашего самолюбия, которое нужно поберечь для будущего...

Пауза.

Вы смотрите на меня, точно великан на пигмея. Может быть, вы и в самом деле великан.

Венгерович 2. Я честный человек и не пошляк.

Платонов. С чем вас и поздравляю... Странно было бы видеть в молодом студенте нечестного человека... О вашей честности вас никто и не спрашивает... Не дадите руки, юноша?

Венгерович 2. Я не подаю милостыни.

Трилецкий шикает.

Платонов. Не подаете? Ваше дело... Я о приличии говорю, а не о милостыне... Сильно презираете?

Венгерович 2. Насколько это возможно для человека, всей душой ненавидящего пошлость, тунеядство, фиглярство...

Платонов (*вздыхает*). Давно уж я не слышал таких речей... Что-то слышится родное в звонких песнях ямщика!.. И я когда-то был мастером рассыпаться... Только, к сожалению, всё это фразы... Милые фразы, но только фразы... Чутьочку бы искренности... Фальшивые звуки ужасно действуют на непривычное ухо...

Венгерович 2. Не прекратить ли нам этот разговор?

Платонов. Для чего? Нас охотно слушают, да и мы еще не успели надоест друг другу... Давайте еще побеседуем в том же духе...

Вбегает Василий и за ним Осип.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и Осип.

Осип (*входит*). Кгм... Честь имею и удовольствие поздравить ваше превосходительство с приездом...

Пауза.

Желаю вам всего того, что вы от бога желаете.

Смех.

Платонов. Кого вижу?! Чертов кум! Самый страшный из людей! Ужаснейший из смертных!

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста! Вас не доставало! Зачем пришел?

Осип. Поздравить.

Анна Петровна. Очень нужно! Проваливай!

Платонов. Ты ли это, во тьму ночей и в свет дня всеяющий грозный ужас? Давно уж я не видел тебя, человекоубийца, шестьсот шестьдесят шесть! Ну, приятель? Распространись о чем-нибудь! Вонмем великому Осипу!

Осип (*кланяется*). С приездом, ваше превосходительство! Сергею Павлычу! С браком с законным! Дай бог, чтоб всё... что касательно семейства выходило лучше... всего! Дай бог!

Войнищев. Спасибо! (*Софье Егоровне*.) Это, Софи, рекомендую тебе, наше войнищевское пугало!

Анна Петровна. Не держите его, Платонов! Пусть уходит! Я на него сердита. (*Осипу*.) Скажешь на кухне, чтобы тебе дали пообедать... Экие ведь какие зверские глаза! Много за зиму нашего леса накрал?

Осип (*смеется*). Деревца три-четыре...

Смех.

Анна Петровна (*смеется*). Врешь, больше! У него и цепочка есть! Скажите! Это золотая цепочка? Позвольте узнать, который час?

Осип (*смотрит на стенные часы*). Двадцать две минуты второго... Позвольте мне вашу ручку поцеловать!

Анна Петровна (*подносит к его губам руку*). На, целуй...

О с и п (*целует руку*). Очень вам благодарен, ваше превосходительство, за ваше сочувствие! (*Кланяется*.) Что вы за меня держитесь, Михаил Васильич!

П л а т о н о в . Боюсь, чтобы ты не ушел. Люблю тебя, милый! Какой молодец, черт тебя задери совсем! Каким это образом, мудрый, тебя угораздило попасть сюда?

О с и п . За дураком гнался, за Василем, да и зашел кстати.

П л а т о н о в . Умный гнался за дураком, а не наоборот! Честь имею, господа, представить! Интереснейший субъект! Одно из интереснейших кровожадных животных современного зоологического музея! (*Поворачивает Осипа на все стороны*). Известен всем и каждому как Осип, конокрад, чужеяд, человекоубийца и вор. Родился в Войнищевке, грабил и убивал в Войнищевке и пропадет в той же Войнищевке!

Смех.

О с и п (*смеется*). Чудной вы человек, Михаил Васильич!

Т р и л е ц к и й (*рассматривает Осипа*). Чем занимаешься, любезный?

О с и п . Воровством.

Т р и л е ц к и й . Гм... Приятное занятие... Какой же ты, однако, циник!

О с и п . Что значит циник?

Т р и л е ц к и й . Циник слово греческое, в переводе на твой язык значущее: свинья, желающая, чтобы весь свет знал, что она свинья.

П л а т о н о в . Он улыбается, боги! Что это за улыбка! А лицо-то, лицо! В этом лице сто пудов железа! Не скоро разобьешь его о камень! (*Подводит его к зеркалу*.) Посмотри-ка, чудовище! Видишь? И ты не удивляешься?

О с и п . Самый обыкновенный человек! Даже хуже...

П л а т о н о в . Будто бы? А не богатырь? Не Илья Муромец? (*Хлопает его по плечу*.) О храбрый, победоносный росс!

Что мы теперь значим с тобой? Шляемся из угла в угол мелкими людишками, чужаками, места своего не знаем... Нам бы с тобой пустыню с витязями, нам бы с тобой богатырей с ступодовыми головами, с шипом, с посвистом! Уколотил бы Соловья Разбойника? а?

О с и п. А кто ж его знает!

П л а т о н о в. Уколотил бы! Ведь у тебя силища! Это не мускулы, а канаты! Кстати, отчего ты не на каторге?

А н н а П е т р о в н а. Кончите, Платонов! Право, надоело.

П л а т о н о в. Ты сидел хоть раз в остроге, Осип?

О с и п. Случается... Каждую зиму сижу.

П л а т о н о в. Так и следует... В лесу холодно — иди в острог. Но отчего же ты не на каторге?

О с и п. Не знаю... Пустите, Михаил Васильч!

П л а т о н о в. Ты не от мира сего? Ты вне времени и пространства? Ты вне обычаев и закона?

О с и п. Позвольте-с... В законе написано, что только тогда пойдешь в Сибирь, когда на тебя обстоятельно докажут или на месте преступления поймают... Всякому, положим, известно, что я, положим, вор да разбойник (*смеется*), да не всякий доказать это может... Гм... Не смел нонче народ стал, глуп, неумный то есть... Бойтся всего... Ну и доказать бойтся... Выслать бы мог, да законов не понимает... Всё ему страшно... Осел нонче народ стал, одним словом... Всё норовит исподтишка, артелью... Пакостный народ, плевый... Невежество... И обижать такой народ не жалко...

П л а т о н о в. Как он важно рассуждает, подлец! Своим умом дошел, отвратительное животное! И он ведь на основании теорий... (*Вздыхает.*) Какая гадость еще возможна в России!..

О с и п. Не один я так рассуждаю, Михаил Васильч! Все нонче так рассуждают. Да вот, например, хоть Абрам Абрамыч...

Платонов. Да, но и этот тоже незаконный... Всяк знает, да не всяк докажет.

Венгерович 1. Меня, полагаю, можно оставить в покое...

Платонов. Про него и толковать нечего... Это подобие твое; разница только в том, что он умней тебя и счастлив, как аркадский пастушок. Ну и... в глаза нельзя назвать, а тебя можно. Одного поля ягоды, но... Шестьдесят кабаков, друг мой, шестьдесят кабаков, а у тебя и шестидесяти копеек нет!

Венгерович 1. Шестьдесят три кабака.

Платонов. Через год будет семьдесят три... Он благодеяния делает, обеды дает, всеми уважаем, все перед ним шапку ломают, ну а ты... ты великий человек, но... жить, брат, не умешь! Не умешь жить, вредный человек!

Венгерович 1. Вы начинаете фантазировать, Михаил Васильич! *(Встает и садится на другой стул.)*

Платонов. На этой голове и громоотводов больше... Проживет преспокойно еще столько же, сколько и жил, если не больше, и умрет... и умрет ведь спокойно!

Анна Петровна. Перестаньте, Платонов!

Войницев. Помирней, Михаил Васильич! Осип, уходи отсюда! Своим присутствием ты только раздражаешь платоновские инстинкты.

Венгерович 1. Ему хочется выгнать меня отсюда, но не удастся!

Платонов. Удастся! Не удастся, сам уйду.

Анна Петровна. Платонов, вы не перестанете? Вы не распространяйтесь, а прямо говорите: перестанете вы или нет?

Саша. Замолчи, ради бога! *(Тихо.)* Неприлично! Ты меня срамишь!

Платонов *(Осипу)*. Проваливай! От души желаю тебе скорейшего исчезновения!

О с и п . У Марфы Петровны есть попугайчик, который всех людей да собак называет дураками, а как завидит коршуна или Абрама Абрамыча, то и кричит: «Ах ты, проклятый!» (*Хочет.*) Прощайте-с! (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е X V I

Те же без О с и п а .

В е н г е р о в и ч 1. Кто бы, да не вы, молодой человек, позволяли себе читать мне мораль и еще в такой форме. Я гражданин и, скажу правду, полезный гражданин... Я отец, а вы кто? Кто вы, молодой человек? Извините, хлыщ, промотавшийся помещик, взявший в свои руки святое дело, на которое вы не имеете ни малейшего права, как испорченный человек...

П л а т о н о в . Гражданин... Если вы гражданин, то это очень нехорошее слово! Ругательное слово!

А н н а П е т р о в н а . Он не перестанет! Платонов, зачем отравлять нам день своим резонерством? Зачем говорить лишнее? И имеете ли вы право?

Т р и л е ц к и й . Не покойно живетсЯ с этими справедливейшими и честнейшими... Всюду вмешиваются, везде у них дело, всё до них касается...

Г л а г о л ь е в 1. Начали, господа, о здравии, а оканчиваете за упокой...

А н н а П е т р о в н а . Не следует, Платонов, забывать того, что если гости бранятся, то хозяева чувствуют себя очень неловко...

В о й н и ц е в . Это справедливо, а посему с этой же минуты всеобщее тссс... Мир, согласие и тишина!

В е н г е р о в и ч 1. Не дает и минуты покоя! Что я ему сделал? Это шарлатанство!

Войницев. Тссс...

Трилецкий. Пусть себе бранятся! Нам же веселей.

Пауза.

Платонов. Как поглядишь вокруг себя, да подумаешь серьезно, в обморок падаешь!.. И что хуже всего, так это то, что всё мало-мальски честное, сносное молчит, мертвецки молчит, только смотрит... Всё смотрит на него с боязнью, всё кланяется до земли этому ожиревшему, позолоченному выскочке, всё обязано ему от головы до пяток! Честь в трубу вылетела!

Анна Петровна. Успокойтесь, Платонов! Вы начинаете прошлогоднюю историю, а я не выношу этого!

Платонов *(пьет воду)*. Ладно. *(Садится.)*

Венгерович 1. Ладно.

Пауза.

Щербук. Мученик я, друзья мои, мученик!

Анна Петровна. Что там еще?

Щербук. Горе мне, друзья мои! Лучше в гробу лежать, чем с женою ехидною жить! Опять материя была! Чуть не убила меня неделю тому назад со своим дьяволом, рыжим Дон-Жуаном. Сплю я себе на дворе под яблонькой, сны вкушаю, на прошлые картины во сне с завистью поглядываю... *(Вздыхает.)* Вдруг... Вдруг как шарахнет меня кто-то по голове моей! Господи! Конец, думаю, пришел! Землетрясение, борьба стихий, потоп, дождь огненный... Открываю глаза, а передо мной рыжий... Схватил меня рыжий за бока, да как даст со всего размаху по этим местам, а потом шлеп меня о землю! Подскочила лютая... Схватила меня за мою невинную бороду *(хватает себя за бороду)*, а тут не пообедаеть! *(Бьет себя по лысине)*. Чуть не убили... Думал, что богу душу отдам...

Анна Петровна. Вы преувеличиваете, Павел Петрович...

Щербук. Старуха ведь, старей всех на свете, ни кожи, ни рожи у старой кочерги, а туда же... любовь! Ах ты, ведьма! А рыжему это и на руку... Ему денежки нужны мои, а любовь ее ему не нужна...

Яков входит и подает Анне Петровне визитную карточку.

Войницев. От кого это?

Анна Петровна. Перестаньте, Павел Петрович! (*Читает.*) «Comte Glagolief»¹. К чему эти церемонии? Пожалуйста, проси! (*Глагольеву 1.*) Ваш сын, Порфирий Семеныч!

Глагольев 1. Мой сын?! Откуда он мог взяться? Он за границей!

Входит Глагольев 2.

ЯВЛЕНИЕ XVII

Те же и Глагольев 2.

Анна Петровна. Кирилл Порфирыч! Как это любезно!

Глагольев 1 (*встает*). Ты, Кирилл... приехал? (*Садится.*)

Глагольев 2. Здравствуйте, mesdames! Платонову, Венгеровичу, Трилецкому... И чудак Платонов здесь... Салют, почет и уважение! Ужасно жарко в России... Прямо из Парижа! Прямехонько из французской земли! Ф-ф... Не верите? Честное и благородное слово! Домой только чемодан завез... Ну, да и Париж же, господа! Вот город!

¹ «Граф Глагольев» (*франц.*).

Войницев. Садитесь, французский человек!

Глагольев 2. Нет, нет, нет... Я не в гости приехал, я так только... Мне одного только отца нужно видеть... (Отцу.) Ты что же это, послушай?

Глагольев 1. Что такое?

Глагольев 2. Ты ссориться хочешь? Ты зачем не присылал мне денег, когда я просил, а?

Глагольев 1. Дома об этом потолкуем.

Глагольев 2. Почему ты не присылал мне денег? Ты смеешься? Тебе всё шутки? Ты шутишь? Господа, можно за границей жить без денег?

Анна Петровна. Как вам жилось в Париже? Вы садь-те, Кирилл Порфирыч!

Глагольев 2. По его милости я воротился с одной только зубочисткой! Я послал ему из Парижа тридцать пять телеграмм! Почему ты не присылал мне денег, я тебя спрашиваю? Краснеешь? Стыдно?

Трилецкий. Не кричите, пожалуйста, ваше сиятельство! Будете кричать, pošлю судебному следователю вашу визитную карточку и привлеку вас к судебной ответственности за присвоение не принадлежащего вам графского титула! Неприлично!

Глагольев 1. Не делай, Кирилл, скандала! Я полагал, что шести тысяч будет достаточно. Успокойся!

Глагольев 2. Дай мне денег, я опять поеду! Давай сейчас! Сейчас давай! Еду! Давай скорей! Я спешу!

Анна Петровна. Куда вы так спешите? Успеете! Расскажите-ка нам лучше что-нибудь из своего путешествия...

Яков (входит). Готово-с!

Анна Петровна. Да? В таком случае, господа, идемте есть!

Трилецкий. Есть? Ура-а-а! (Хватает одной рукой за руку Сашу, а другой Глагольева 2 и бежит.)

С а ш а . Пусти! Пусти, сорванец! Я сама пойду!
Г л а г о л ь е в 2. Пустите! Что за свинство? Я не люблю шуток! *(Вырывается.)*

Саша и Трилецкий убегают.

А н н а П е т р о в н а *(берет Глагольева 2 под руку)*.
Пойдемте-ка, парижанин! Нечего кипятиться попусту!
Абрам Абрамыч, Тимофей Гордеич... Прощу! *(Уходит с Глагольевым 2.)*

Б у г р о в *(встает и потягивается)*. Пока дождешься этого завтрака, так весь слюной изойдешь. *(Уходит.)*

П л а т о н о в *(подает Софье Егоровне руку)*. Вы позволите? Какие у вас удивленные глаза! Для вас этот мир — неведомый мир! Это мир *(тише)* глупцов, Софья Егоровна, глупцов набитых, невылазных, безнадежных... *(Уходит с Софьей Егоровной.)*

В е н г е р о в и ч 1 *(сыну)*. Теперь видел?

В е н г е р о в и ч 2. Это оригинальнейший негодяй! *(Уходит с отцом.)*

В о й н и ц е в *(толкает Ивана Ивановича)*. Иван Иваныч!
Иван Иваныч! Завтракать!

И в а н И в а н о в и ч *(вскакивает)*. А? Кто?

В о й н и ц е в . Никто... Завтракать идемте!

И в а н И в а н о в и ч . Очень хорошо, душенька!

Уходит с Войнищевым и Щербуком.

Я В Л Е Н И Е X V I I I

П е т р и н и Г л а г о л ь е в 1.

П е т р и н . Хочешь?

Г л а г о л ь е в 1. Я не прочь... Я уже говорил тебе!

Петрин. Голубчик... Непременно женишься?

Глагольев 1. Не знаю, братец. Захочет ли она еще?

Петрин. Захочет! Побей меня бог, захочет!

Глагольев 1. Кто знает? Предполагать не следует...
Чужая душа потемки. Ты-то чего так хлопочешь?

Петрин. О ком же мне хлопотать, душенька? Ты человек хороший, она такая славная... Хочешь, я с ней поговорю?

Глагольев 1. Я и сам поговорю. Ты молчи пока и... если можно, пожалуйста, не хлопочи! Я и сам сумею жениться. *(Уходит.)*

Петрин *(одни)*. Вот ежели б сумел! Святые угодники, войдите в мое положение!.. Выйди генеральша за него, я богатый человек! По вексялям получу, святые угодники! Даже аппетит пропал от этой радостной мысли. Венчаются рабы божии Анна и Порфирий или, то бишь, Порфирий и Анна...

Входит Анна Петровна.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Петрин и Анна Петровна.

Анна Петровна. Вы же чего не идете завтракать?

Петрин. Матушка, Анна Петровна, можно вам намек сделать?

Анна Петровна. Делайте, только поскорей, пожалуйста... Мне некогда...

Петрин. Гм... Не дадите вы мне немножко денег, матушка?

Анна Петровна. Какой же это намек? Это далеко не намек. Сколько вам нужно? Рубль, два?

Петрин. Сделайте умаление вексялям. Надоело глядеть на вексяля эти... Вексяля — это одна только обманчивость,

мечта туманная. Они говорят: ты владеешь! А на деле-то выходит, что ты вовсе не владеешь.

Анна Петровна. Вы всё про те же шестнадцать тысяч толкуете? Как вам не стыдно? Неужели вас ничто не коробит, когда вы клянчите этот долг? Как вам не грешно? На что вам, старику холостому, сдались эти нехорошие деньги?

Петрин. Они мне сдались, потому что они мои, матушка.

Анна Петровна. Вы эти векселя выманили у моего мужа, когда он был не трезв, болен... Вы это помните?

Петрин. Что ж такое, матушка? А на то они и векселя, чтоб по ним денежки требовались и платились. Деньги счет любят.

Анна Петровна. Хорошо, хорошо... Довольно. Денег у меня нет и не будет для вашего брата! Убирайтесь, протестуйте! Эх вы, кандидат прав! Ведь вы на днях умрете, для чего же мошенничаете? Чудак вы!

Петрин. Можно вам, матушка, намек сделать?

Анна Петровна. Нельзя. *(Идет к двери.)* Ступайте жевать!

Петрин. Позвольте, матушка! Родненькая, на минуточку! Вам Порфиша нравится?

Анна Петровна. Вам какое дело? Какое вам дело до меня, кандидат вы этакий!

Петрин. Какое дело? *(Бьет себя по груди.)* А кто, позвольте вас спросить, первым другом покойного генерал-майора был? Кто ему глаза на смертном одре закрыл?

Анна Петровна. Вы, вы, вы! Молодец вы за это!

Петрин. Пойду выпью за упокой его души... *(Вздыхает.)* И за ваше здравие! Горды и надменны, сударыня! Гордость порок есть... *(Уходит.)*

Входит Платонов.

ЯВЛЕНИЕ XX

Анна Петровна и Платонов.

Платонов. Черт знает что за самолюбие! Его гонишь, а он сидит, как ни в чем не бывало... Вот уж воистину хамское барышническое самолюбие! О чем мыслите, превосходительная?

Анна Петровна. Вы успокоились?

Платонов. Успокоился... Но не будем сердиться... *(Целует ее руку.)* Все они, наша дорогая генеральша, достойны того, чтобы всякий имел право выгнать их из вашего дома...

Анна Петровна. С каким удовольствием я сама бы, невыносимый Михаил Васильич, прогнала этих гостей!.. В том и вся наша беда, что честь, о которой вы сегодня трактовали на мой счет, удобоварима только в теории, но никак не в практике. Ни я и ни ваше красноречие не имеем права прогнать их. Ведь всё это наши благодетели, кредиторы... Погляди я на них косо — и завтра же нас не будет в этом имении... Или имение, или честь, как видите... Выбираю имение... Понимайте это, милый пустослов, как хотите, и если вам угодно, чтобы я не уехала из прекрасных здешних мест, то не напоминайте мне о чести и не трогайте моих гусей... Меня зовут там... Сегодня после обеда едем кататься... Не смей уходить! *(Бьет его по плечу.)* Заживем! Идемте есть! *(Уходит.)*

Платонов *(после паузы)*. А все-таки я его выгоню... Я всех выгоню!.. Глупо, нетактично, но... выгоню... Дал себе слово не трогать этого свинства, но что поделаешь? Характер — стихия, а бесхарактерность и подавно...

Входит Венгерович 2.

ЯВЛЕНИЕ XXI

Платонов и Венгерович 2.

Венгерович 2. Послушайте, господин учитель, я советовал бы вам не трогать моего отца.

Платонов. Merci за совет.

Венгерович 2. Я не шучу. Мой отец знаком с очень многими и поэтому легко может лишитъ вас места. Я вас предостерегаю.

Платонов. Великодушный юноша! Как вас зовут?

Венгерович 2. Исаак.

Платонов. Авраам, значит, роди Исака. Благодарю вас, великодушный юноша! В свою очередь потрудитесь передать вашему папаше, что я желаю ему и его многим провалиться сквозь землю! Идите кушать, а то там всё поедят без вас, юноша!

Венгерович 2 (*пожимает плечами и идет к двери*). Странно, если не глупо... (*Остнавливается.*) Не думаете ли вы, что я сержусь на вас за то, что вы не даете покоя моему отцу? Ничуть. Я поучаюсь, а не сержусь... Я изучаю на вас современных Чацких и... я понимаю вас! Если бы вам было весело, если бы не было так бездельнически скучно, то, поверьте, вы не трогали бы моего отца. Вы, господин Чацкий, не правды ищете, а увеселяетесь, забавляетесь... Дворни у вас теперь нет, надо же кого-нибудь распекать! Ну и распекаете всех и вся...

Платонов (*смеется*). Ей-богу, славно! А у вас, знаете ли, есть этакое маленькое соображение...

Венгерович 2. Замечательно то отвратительное обстоятельство, что вы никогда не ссоритесь с моим отцом с глазу на глаз, tête-à-tête; вы выбираете для своих увеселений гостиную, где бы вы были видны глушцам во всем своем величии! О, театр!

Платонов. Желал бы я поговорить с вами лет через десять, даже пять... Как-то вы сохранитесь? Останется ли нетронутым этот тон, этот блеск очей? А ведь попортитесь, юноша! По наукам у вас хорошо идут дела?.. По лицу вижу, что плохо... Попортитесь! Впрочем, идите есть! Я не буду больше беседовать с вами. Мне не нравится ваша злая физиономия...

Венгерович 2 (*смеется*). Эстетик. (*Идет к двери.*) Лучше злая физиономия, чем физиономия, напрашивающаяся на пощечину.

Платонов. Да, лучше... Но... ступайте есть!

Венгерович 2. Мы не знакомы... Не забудьте, пожалуйста... (*Уходит.*)

Платонов (*один*). Мало знающий, много думающий и из-за угла много говорящий юноша. (*Смотрит в дверь столовой.*) А вон и Софья. По сторонам смотрит... Меня ищет своими бархатными глазами. Какая она еще хорошенькая! Сколько в ее лице красивого! Волосы всё те же! Тот же цвет, та же прическа... Сколько раз приходилось мне целовать эти волосы! Славные воспоминания навеивает на меня эта головка...

Пауза.

Неужели и для меня уже настала пора довольствоваться одними только воспоминаниями?

Пауза.

Воспоминания вещь хорошая, но... неужели мне-то... уж конец? Ох, не дай бог, не дай бог! Лучше смерть... Надо жить... Жить еще... Молод я еще!

Входит Войницев.

ЯВЛЕНИЕ XXII

Платонов и Войницев
и потом Трилецкий.

Войницев *(входит и вытирает губы салфеткой)*. Идемте за здоровье Софи пить, нечего прятаться!.. Ну что?

Платонов. Смотрю и люблюсь на вашу супругу... Чудо барыня!

Войницев смеется.

Платонов. Большой вы счастливчик!

Войницев. Да... Я сознаю... Я счастлив. Не то чтобы счастлив, а с точки зрения... нельзя сказать, чтобы совершенно... Но вообще очень счастлив!

Платонов *(смотрит в дверь столовой)*. Я давно уже знаю ее, Сергей Павлович! Я ее знаю, как свои пять пальцев. Как она хороша, но как она была хороша! Жаль, что вы ее не знали тогда! Как она хороша!

Войницев. Да.

Платонов. Глаза-то?!

Войницев. А волосы?!

Платонов. Она была чудной девушкой! *(Смеется.)* А моя-то Саша, моя Авдотья, Матрена, Пелагея... Вон она сидит! Чуть видна из-за графина с водкой! Раздражена, взволнована, возмущена моим поведением! Терзается, бедная, мыслью, что все теперь осуждают и ненавидят меня за то, что я поругался с Венгеровичем!

Войницев. Извини за нескромность вопроса... Ты счастлив с ней?

Платонов. Семья, брат... Отними ты у меня ее, и я, кажется, окончательно пропал... Гнездо! Поживешь, узнаешь. Жаль только, что ты мало собачился, цены семье не знаешь.

Я свою Сашку и за миллион не продам. Мы с ней сошлись как нельзя лучше... Она глупа, а я никуда не годен...

Трилецкий входит.

(Трилецкому.) Натрескался?

Трилецкий. Страсть. *(Бьет себя по животу.)* Твердыня! Пойдемте-ка, гуси лапчатые, выпьем... Надо бы, господа, для приезда господ... Эх, братцы... *(Обнимает их обоих вместе.)* Да и выпьем же! Эх! *(Потягивается.)* Эх! Жизнь наша человеческая! Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых... *(Потягивается.)* Гуси вы лапчатые! Жулики...

Платонов. У своих больных ты сегодня был?

Трилецкий. Об этом после... Или вот что, Мишель... Говорю тебе раз навсегда. Меня не трогай! Надоел ты мне пуще горькой редьки своими поучениями! Будь человеколюбив! Убедись наконец, что я стена, а ты горох! Или уж если тебе так приспичило, если чешется твой язык, то изложи мне письменно всё то, что тебе нужно. Наизусть выучу! Или, наконец, даже читай мне поучения в определенный час. Даю тебе час в сутки... От четырех до пяти пополудни, например... Хочешь? Я даже платить тебе буду по рублю за этот час. *(Потягивается.)* Целый день, целый день...

Платонов *(Войницеву)*. Объясни мне, пожалуйста, что значит объявление в «Ведомостях»? Неужели в самом-таки деле пришла пора?

Войницев. Нет, не беспокойся! *(Смеется.)* Это маленькая коммерческая комбинация... Будут торги, и имение наше купит Глагольев. Порфирий Семеныч освободит нас от банка, и мы ему, а не банку, будем платить проценты. Это его выдумка.

Платонов. Не понимаю. Какая ему тут выгода?

Дарит он, что ли? Не понимаю я этого подарка, да и едва ли он вам... нужен.

Войничев. Нет... Впрочем, я сам не совсем понимаю... Спроси у татап, она растолкует... Знаю только, что именьи после продажи останется за нами и что выплачивать за него мы будем Глагольеву. Матап сейчас же выдает ему своих пять тысяч в уплату. Во всяком случае с банком не так удобно вести дела, как с ним. Ох, да и надоел же мне этот банк! Ты не надоел так Трилецкому, как мне надоел этот банк! Бросим коммерцию! *(Берет Платонова под руку.)* Пойдем, выпьем за наше «ты»! Николай Иванович! Пойдем, брат! *(Берет Трилецкого под руку.)* Выпьемте за наши хорошие отношения, друзья! Пусть судьба лишает меня всего! Пусть пропадут к черту все эти коммерческие комбинации! Были бы живы да здоровы люди, которых я люблю, вы, да моя Соня, да моя мачеха! В вас моя жизнь! Пойдем!

Платонов. Иду. Я выпью за всё и выпью, должно быть, всё! Я давно уже не был пьян, и мне хочется напиться.

Анна Петровна *(в дверь)*. О дружба, это ты! Хороша тройка! *(Поет.)* Запрягу ль я тройку борзых...

Трилецкий. Темно-карих лошадей... С коньяка начинать, ребята!

Анна Петровна *(в дверь)*. Идите, дармоеды, есть! Простыло всё!

Платонов. Ох, о дружба, это ты! Всегда везло мне в любви, но никогда не везло в дружбе. Боюсь, господа, чтоб и вам не пришлось плакать от моей дружбы! Выпьем за благополучный исход всех дружб, в том числе и нашей! Да будет конец ее так же не бурен и постепенен, как и начало! *(Уходят в столовую.)*

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сад. На первом плане цветник с круговой аллейкой. В центре цветника статуя. На голове статуи плошка. Скамьи, стулья, столики. Направо фасад дома. Крыльцо. Окна открыты. Из окон несется смех, говор, звуки рояля и скрипки (кадриль, вальсы и проч.). В глубине сада китайская беседка, увешанная фонарями. Над входом в беседку вензель с литерами «С. В.». За беседкой игра в кегли; слышны катание шаров и возгласы: «Пять хороших! Четыре нехороших!» и т. п. Сад и дом освещены. По саду снуют гости и прислуга. Василий и Яков (в черных фраках, пьяные) развешивают фонари и зажигают плошки.

ЯВЛЕНИЕ I

Бугров и Трилецкий

(в фуражке с кокардой).

Трилецкий *(выходит из дома под руку с Бугровым)*. Дай же, Тимофей Горденч! Ну что тебе стоит дать? Взаимы ведь прошу!

Бугров. Верьте богу, не могу-с! Не обижайте, Николай Иваныч!

Трилецкий. Можешь, Тимофей Горденч! Ты всё можешь! Ты можешь всю вселенную купить и выкупить, только не хочешь! Ведь взаимы прошу! Пойми ты, чудак! Честное слово, не отдам!

Бугров. Видите-с, видите-с? Проговорились касательно неотдачи!

Трилецкий. Ничего не вижу! Вижу одно только твое бесчувствие. Дай, великий человек! Не дашь? Дай, тебе го-

ворят! Прошу, умоляю наконец! Неужели ты такой бесчувственный? Где же твое сердце?

Бугров (*вздыхает*). Э-хе-хех, Николай Иванович! Исцелять-то вы не исцеляете, а деньги тащите...

Трилецкий. Ты хорошо сказал! (*Вздыхает.*) Ты прав.

Бугров (*внимает бумажник*). И насмешка тоже по вашей части... Чуть что, сейчас: ха-ха-ха! Нептго можно так? То-то, что не можно... Хоть необразованные, а все же крещеные, как и ваш брат ученый... Ежели я глупо говорю, то вы должны наставить, а не смеяться... Так-то. Мы люди мужики, не пудренные, кожа на нас дубленая, с нас мало и спрашивайте, извиняйте... (*Открывает бумажник.*) В последний раз, Николай Иванович! (*Считает.*) Один... шесть... двенадцать...

Трилецкий (*смотрит в бумажник*). Батюшки! А еще говорят, что у русских денег нет! Где ты их набрал столько?

Бугров. Пятьдесят... (*Подает ему деньги.*) В последний раз.

Трилецкий. А это что за бумажка? И ее ты дай. Она на меня так умильно смотрит! (*Берет деньги.*) Дай же и эту бумажку!

Бугров (*дает еще*). Получите-с! Жадности в вас много, Николай Иванович!

Трилецкий. И всё рублевики, и всё рублевики... Милостыню ты собирал, что ли? А они у тебя не фальшивые?

Бугров. Пожалуйста назад, ежели фальшивые!

Трилецкий. Отдал бы назад, ежели бы они тебе были нужны... Мерси, Тимофей Горденч! Желаю тебе еще больше потолстеть и медаль получить. Скажи мне, пожалуйста, Тимофей Горденч, зачем ты такую ненормальную жизнь ведешь? Пьешь много, говоришь басом, потеешь, не спишь, когда следует... Например, отчего ты сейчас не спишь? Ты человек полнокровный, желчный, вспыльчивый, бакалейный, тебе рано ложиться нужно! У тебя и жил больше, чем у других. Можно ли так убивать себя?

Бугров. Но?

Т р и л е ц к и й . Вот тебе и но! Впрочем, не пугайся... Шу-чу... Рано тебе еще умирать... Поживешь! Много у тебя денег, Тимофей Гордеич?

Б у г р о в . Хватит на наш век.

Т р и л е ц к и й . Хороший, умный ты человек, Тимофей Гордеич, но большой мошенник! Ты меня извини... Я по дружбе... Ведь мы друзья? Большой мошенник! Для чего ты векселя Войницева скупаешь? Для чего ему деньги даешь?

Б у г р о в . Не вашего ума это дело, Николай Иваныч!

Т р и л е ц к и й . Хочешь с Венгеровичем шахты генеральщины схватить? Генеральша, мол, скалится над пасынком, не даст ему погибнуть, отдаст тебе свои шахты? Великий ты человек, но мошенник! Плут!

Б у г р о в . Вот что-с, Николай Иваныч... Я пойду усну где-нибудь около беседочки маленько, а вы, когда станут ужин подавать, меня и разбудите.

Т р и л е ц к и й . Прелестно! Иди спи.

Б у г р о в *(идет)*. А ежели не будут ужина подавать, то разбудите в половину одиннадцатого! *(Уходит к беседке.)*

Я В Л Е Н И Е II

Т р и л е ц к и й и потом Войницев.

Т р и л е ц к и й *(рассматривает деньги)*. Мужиком пахнут... Надрал, каналья! Куда же мне их девать? *(Василию и Якову.)* Эй, вы, вольнонаемники! Василий, позови сюда Якова, Яков, позови сюда Василия! Ползите сюда! Живо!

Я к о в и В а с и л и й подходят к Трилецкому.

Они во фраках! Ах, черт возьми! Ужасно вы на господ похожи! *(Дает Якову рубль.)* Это тебе рубль! *(Василию.)* Это тебе рубль! Это вам за то, что у вас носы длинные.

Яков и Василий (*клянутся*). Много довольны, Николай Иванович!

Трилецкий. Что же вы, славяне, качаетесь? Пьяны? Оба как веревки? Будет же вам от генеральши, коли узнает! По мордасам отлупит! (*Дает еще по рублю.*) Натe еще по рублю! Это за то, что тебя Яковом зовут, а его Василием, а не наоборот. Кланяйтесь!

Яков и Василий кланяются.

Совершенно верно! А это вам еще по рублю за то, что меня Николаем Ивановичем, а не Иваном Николаевичем зовут! (*Дает еще.*) Кланяйтесь! Так! Смотрите, не пропить! Горького лекарства пропишу! Ужасно вы на господ похожи! Ступайте фонари зажигать! Марш! Довольно с вас!

Яков и Василий отходят. Войнищев
проходит через сцену.

(*Войнищеву.*) На тебе три рубля!

Войнищев берет деньги, машинально кладет их в карман
и уходит в глубину сада.

Поблагодари же!

Выходят из дома Иван Иванович и Саша.

ЯВЛЕНИЕ III

Трилецкий, Иван Иванович и Саша.

Саша (*входя*). Боже мой! Когда же всему этому конец будет? И за что ты так наказал меня? Этот пьян, Николай пьян,

Миша тоже... Хоть бы бога вы побоялись, бессовестные, если людей не стыдитесь! Все смотрят на вас! Мне-то, мне-то какво видеть, как все на вас пальцем указывают!

Иван Иванович. Не то, не то! Постой... Ты меня запутала... Постой...

Саша. Вас в благородный дом пускать нельзя! Не успели войти, как уже и пьяны! У, безобразный! А еще тоже старый! Ты должен пример им подавать, а не то что вместе с ними пить!

Иван Иванович. Постой, постой... Ты меня запутала... О чем бишь я? Да! И не лгу, брат Саша! Верь! Послужи я еще лет пять, генералом был бы! А что ты думаешь, не был бы генералом? Фи!.. *(Хохочет.)* С моим характером да не быть генералом? С моим образованием? Не понимаешь же ты ничего после этого... Ты, значит, не понимаешь...

Саша. Пойдем! Генералы не пьют так.

Иван Иванович. От восторга все пьют! Был бы генералом! Да молчи ты, сделай милость! Вся в мать! Зу-зу-зу... Господи, ей-богу! Та, бывало, день и ночь, день и ночь... То не так, другое не так... Зу-зу-зу... О чем бишь я? Да! И вся ты в покойницу мать, моя крошечка! Вся ты... Вся... И глазки, и волосочки... И ходила та тоже так, как гусочка... *(Целует ее.)* Ангел мой! Вся ты в покойницу... Страсть как любил покойницу! Не уберег, старый Шуг Иваныч Балалайкин!

Саша. Будет тебе... Идем! Seriously, папа... Пора уже тебе оставить выпивку и скандалы. Предоставь это тем здоровилам... Они молодые, а тебе все-таки, старику, не к лицу, право...

Иван Иванович. Слушаю, друг мой! Понимаю! Не буду... Слушаю... Ну да, ну да... Понимаю... О чем бишь я?

Трилецкий *(Ивану Ивановичу)*. На тебе, ваше высокоблагородие, сто копеек! *(Дает ему рубль.)*

Иван Иванович. Так-с... Беру, сын мой! Merci... От чужого не возьму, но от сына своего всегда возьму... Возьму и возрадуюсь... Не люблю, деточки, чужих финансов. И, боже мой, как не люблю! Честен, дети! Честен ваш отец! В жизнь мою ни разу не грабил ни отечества, ни пенатов! А стоило только чуточку руку кое-куда запустить, и был бы богат и славен!

Трилецкий. Похвально, но не нужно, отец, хвастать!

Иван Иванович. Не хвастаю я, Николай! Поучаю, дети мои! Вразумляю... За вас ответ перед творцом дам!

Трилецкий. Куда это вы?

Иван Иванович. Домой. Провожая вот эту жужелицу... Проводи да проводи... Ввязалась... Вот и провожаю. Самой страшно. Я провожу ее, да опять сюда приду.

Трилецкий. Разумеется, приходи. *(Саше.)* И тебе дать? На и тебе, и тебе на! Три целковых! Тебе три целковых!

Саша. Прибавь кстати и еще два. Мише на летние панталоны куплю, а то у него только одни. А хуже нет, как иметь одни! Во время стирки приходится надевать суконные...

Трилецкий. Я ему никаких бы не дал, ни летних, ни суконных, если бы это от меня зависело: ходи, как знаешь! Но что с тобой поделаешь? На, возьми еще два! *(Дает деньги.)*

Иван Иванович. О чем бишь я? Да... Как теперь помню... Ну да... В генеральном штабе служил, дети мои... Я головой против неприятеля действовал, мозгами турецкую кровь проливал... Штыка не знаю, нет, не знаю... Ну да...

Саша. Что же мы стоим? Пора уже. Прощай, Коля! Идем, папа!

Иван Иванович. Постой! Замолчи ты Христа ради! Тар-тар-тар... Цысарка! Шкворец! Вот как жить надо, дети мои! Честно, благородно, беспорочно... Ну да, ну да... Владимира третьей степени получил...

С а ш а . Будет тебе, папа! Пойдем!

Т р и л е ц к и й . Мы и без разглагольствований знаем, что ты за человек... Ступай, провожай!

И в а н И в а н о в и ч . Умнейший ты человек, Николай! Быть тебе Пироговым!

Т р и л е ц к и й . Ступай, ступай...

И в а н И в а н о в и ч . О чем бишь я? Да... Видал я Пирогова... Когда еще в Киеве был... Ну да, ну да... Умнейший человек... Ничего себе... Так я иду... Идем, Сашурка! Я, дети, ослабел... На панихиду похож стал... Ох, господи, прости нас, грешных! Согрешихом, согрешихом... Ну да, ну да... Грешен, деточки! Теперь Мамону служу, а в молодости богу не молился. Базаристей меня и человека не было... Материя! Штоф унд крафт!¹ Ах, господи... Ну да... Молитесь, деточки, чтоб я не умер! Ты уж пошла, Сашурочка? Где ты? Вот где ты... Идем...

Анна Петровна смотрит в окно.

Т р и л е ц к и й . А сам ни с места... Зарапортовался малый... Ну, ступайте! Мимо мельницы не ходите, собаки порвут.

С а ш а . На тебе, Коля, его фуражка... Отдай ему, а то простудится...

Т р и л е ц к и й *(снимает фуражку и надевает ее на отца)*. Шествуй, старче! Налево кругом... марш!

И в а н И в а н о в и ч . По-лу-о-брот нааале...во! Ну да, ну да... Справедлив ты, Николай! Видит бог, что ты справедлив! И Михайло, зять, справедлив! Вольнодумен, но справедлив! Иду, иду... *(Идут)* Идем, Саша... Ты идешь? Дай я тебя понесу!

С а ш а . Вот еще глупости!

И в а н И в а н о в и ч . Дай я тебя понесу! Всегда я мать носил... Несу, бывало, а сам качаюсь... Раз с пригорка загре-

¹ Материя и сила *(нем. Stoff und Kraft)*.

мел с ней вместе... Засмеялась только, голубка, ничуть не рассердилась... Дай я тебя понесу!

С а ш а. Не выдумывай... Надень картуз как следует. (*По-правляет ему фуражку.*) Какой ты еще молодец у нас!

И в а н И в а н о в и ч. Ну да, ну да...

Уходят. Входят Петрин и Щербук.

Я В Л Е Н И Е I V

Трилецкий, Петрин и Щербук.

Петрин (*выходит из дому под руку с Щербуком.*)

Положи ты передо мной пятьдесят тысяч, и я украду... Честное слово, украду... Лишь бы только ничего за это не было... Украду... Положи перед тобой, и ты украдешь.

Щ е р б у к. Не украду, Герася! Нет!

П е т р и н. Положи рубль, и рубль украду! Честность! Фи-фи! Кому нужна твоя честность? Честный значит дурак...

Щ е р б у к. Я дурак... Пускай я дурак...

Т р и л е ц к и й. Натё вам, старцы, по рублю! (*Дает им по рублю.*)

П е т р и н (*берет деньги.*) Давайте...

Щ е р б у к (*хочет и берет деньги.*) Мерси, господин доктор!

Т р и л е ц к и й. Напузырились, господа почтенные?

П е т р и н. Малость...

Т р и л е ц к и й. А это вам еще по рублю на поминовение душ ваших! Ведь грешны? Берите же! Вам бы по кукишу следовало, да так уж ради праздника... расщедрюсь, черт возьми!

А н н а П е т р о в н а (*в окно.*) Трилецкий, дайте и мне рубль! (*Скрывается.*)

Т р и л е ц к и й . Вам не рубль, а пять рублей, генерал-майорская вдова! Сейчас! (*Уходит в дом.*)

П е т р и н (*смотрит на окно*). Скрылась фея?

Щ е р б у к (*смотрит на окно*). Скрылась.

П е т р и н . Не терплю! Нехорошая женщина! Гордыни много... Женщина должна быть смиренная, уважительная... (*Качает головой.*) Видал Глагольева? Вот тоже еще чучело! Сидит, как гриб, на одном месте, молчит да глазами лупает! Разве так ухаживают за дамами?

Щ е р б у к . Женится!

П е т р и н . Когда он женится? Через сто лет? Покорнейше вас благодарю! Через сто лет мне не нужно.

Щ е р б у к . Не нужно, Герася, жениться ему, старику... Женился бы, коли уж так жениться понадобилось, на какой-нибудь простушечке... И он для нее не годится... Она молодая, огненная, дама европейская, образованная...

П е т р и н . Вот ежели б женился! То есть так мне этого хочется, что и выразить словесно не умею! Ведь у них ровно ничего нету от самой смерти покойничка генерала, царство ему небесное! Есть у ней шахты, да на те Венгерович метит... Где мне с Венгеровичем тягаться? Что я теперь могу получить по вексям с них? Протестуй я теперь, что я получу?

Щ е р б у к . Nihil¹.

П е т р и н . А ежели она замуж за Глагольева пойдет, то я буду знать, с чего мне получить... Векся сейчас протестую, запрещение наложу... Небось не даст пасынку погибнуть, выплатит! Эх-ех-ох! Исполнись, мечтание мое! Шестнадцать тысяч, Павочка!

Щ е р б у к . А мне три тысячи... Приказывает моя кочерга, чтоб я получил... Как я получу? Не умею я получать...

¹ Ничего (*лат.*).

Это не мужики... Это друзья... Пусть сама едет сюда и получает... Пойдем, Герася, во флигель!

Петрин. Зачем?

Щербук. К дамскому полонезу баллады нашептывать...

Петрин. А Дуняша во флигеле?

Щербук. Там. *(Идут.)* У них веселей... *(Поет.)* Ах, как я несчастлив, перестав жить в нем!

Петрин. Тик-ток, тик-ток... *(Кричит.)* Да-с! *(Поет.)* Год новый радостно встречаем в собрание искренних друзей...

Уходят.

Я В Л Е Н И Е V

Войницев и Софья Егоровна выходят
из глубины сада.

Войницев. О чем ты думаешь?

Софья Егоровна. Право, не знаю.

Войницев. Ты чуждаешься моей помощи... Неужели я не в состоянии помочь тебе? Что за тайны, Софи? Тайны от мужа... Гм...

Садятся.

Софья Егоровна. Какие тайны? Я сама не знаю, что во мне происходит... Не мучь себя понапрасну, Сергей! Не обращай внимания на мою хандру...

Пауза.

Уедем отсюда, Сергей!

Войницев. Отсюда?

Софья Егоровна. Да.

Войницев. Зачем?

Софья Егоровна. Хочу... Хоть за границу. Уедем?

Войницев. Ты этого хочешь... Но зачем же?

Софья Егоровна. Здесь хорошо, здорово, весело, но не могу... Все идет хорошо, благополучно, только... уехать нужно. Ты дал слово не расспрашивать.

Войницев. Завтра же уедем... Завтра же нас здесь не будет! *(Целует руку.)* Тебе здесь скучно! Да это и понятно! Я понимаю тебя! Черт знает, что за среда! Петрины, Щербуки...

Софья Егоровна. Они не виноваты... Оставим их в покое.

Пауза.

Войницев. И откуда у вас, у женщин, берется столько тоски? Ну чего тосковать? *(Целует жену в щеку.)* Полно! Будь весела! Живи, пока живется! Нельзя ли эту тоску, как говорит Платонов, по шапке? Ба! Очень кстати вспомнил Платонова! Отчего ты с ним редко беседуешь? Это человек не из мелко плавающих, малый развитой и слишком нескучный! Поговори-ка с ним по душе, посвободней! Как рукой снимет тоску! С татап говори почаще, с Трилецким... *(Смеется.)* Поговори-ка, а не смотри на них свысока! Ты еще не раскусила этих людей... Я рекомендую тебе их, потому что эти люди — моего вкуса люди. Я их люблю. Ты их тоже полюбишь, когда покороче узнаешь.

Анна Петровна *(в окно)*. Сергей! Сергей! Кто там? Позовите Сергея Павловича!

Войницев. Что прикажете?

Анна Петровна. Ты здесь? На минутку!

Войницев. Сейчас! *(Софье Егоровне.)* Завтра же едем, коли не передумаешь. *(Идет в дом.)*

Софья Егоровна *(после паузы)*. Ведь это почти что несчастье! Я уже в состоянии по целым дням не думать о муже, забывать о его присутствии, не обращать внима-

ния на его слова... В тягость становится... Что делать? (*Думает.*) Ужасно! Так недавно была свадьба и уже... А всё это тот... Платонов! Сил не хватает, нет характера, ничего нет такого, что помогало бы мне стоять против этого человека! Он преследует меня от утра до вечера, ищет меня, не дает мне покою своими понятными глазами... Это ужасно... и глупо, наконец! Ручаться за себя даже нет сил! Сделай он шаг, и, пожалуй, всё может произойти!

ЯВЛЕНИЕ VI

Софья Егоровна и Платонов.

Платонов выходит из дома.

Софья Егоровна. Вот он идет! Водит вокруг своими глазами и ищет! Кого он ищет? По походке вижу, кто ему нужен! Как нечестно с его стороны не давать мне покоя!

Платонов. Жарко! Не нужно бы пить... (*Увидев Софью Егоровну.*) Вы здесь, Софья Егоровна? В уединении? (*Смеется.*)

Софья Егоровна. Да.

Платонов. Смертных избегаете?

Софья Егоровна. Нет надобности мне избегать их. Они мне не противны и не мешают.

Платонов. Да? (*Садится рядом.*) Вы позволите?

Пауза.

Но если вы не избегаете людей, зачем вы меня, Софья Егоровна, избегаете? За что? Позвольте, дайте договорить! Очень рад, что могу-таки, наконец, поговорить с вами. Вы избегаете меня, обходите, не глядите на меня... Что это? Комедия или серьез?

Софья Егоровна. Я и не думала избегать вас! Откуда вы это взяли?

Платонов. Сначала вы как будто благоволили ко мне, достаивали меня своим благовниманием, а теперь и видеть меня не хотите! Я в одну комнату — вы в другую, я в сад — вы из сада, я начинаю говорить с вами, вы отнекиваетесь или говорите сухое, знойное «да» и уходите... Наши отношения превратились в какое-то недоумение... Виноват я? Противен? *(Встает.)* Вины я за собой никакой не чувствую. Потрудитесь сейчас же вывести меня из этого институтски-глупого положения! Выносить его долее я не намерен!

Софья Егоровна. Признаюсь, я вас... избегаю немножко... Знай я, что это вам так неприятно, я иначе повела бы дело...

Платонов. Избегаете? *(Садится.)* Признаетесь? Но... за что, с какой стати?

Софья Егоровна. Не кричите, то есть... не говорите так громко! Вы мне, надеюсь, не выговор делаете. Я не люблю, если кричат на меня. Я избегаю не вас собственно, а бесед с вами... Человек вы, насколько я вас знаю, хороший... Здесь все вас любят, уважают, некоторые даже поклоняются вам, считают за честь поговорить с вами...

Платонов. Ну-те, ну-те...

Софья Егоровна. Когда я приехала сюда, я сама сейчас же, после первой же нашей беседы, присоединилась к вашим слушателям, но мне, Михаил Васильич, не повезло... Вы скоро стали для меня почти невыносимы... Не подыщу более мягкого слова, извините... Вы почти каждый день беседовали со мной о том, как вы меня любили когда-то, как я вас любила и так далее... Студент любил девочку, девочка любила студента... история слишком старая и обыкновенная, чтобы о ней столько много рассказывать и придавать ей для нас с вами теперь какое бы то ни было значение... Не в этом, впрочем, дело... Дело

в том, что когда вы говорили со мной о прошлом, то... то говорили так, как будто бы чего-то просили, как будто бы вы тогда, в прошлом, чего-то не добрали, что хотели бы взять теперь... Каждый день тон ваш был томительно одинаков, и каждый день мне казалось, что вы намекаете на какие-то как бы обязательства, наложенные на нас с вами нашим общим прошлым... И потом мне казалось, что вы придаете уж слишком большое значение... что, как бы выразиться яснее, преувеличиваете наши отношения добрых знакомых! Вы как-то странно смотрите, выходите из себя, кричите, хватаете за руку и преследуете... Точно шпионите! Для чего это?.. Одним словом, вы не даёте мне покоя... Для чего этот надзор? Что я для вас? Право, можно подумать, что вы выжидаете какого-то удобного случая, который вам для чего-то нужен...

Пауза.

Платонов. Всё? *(Встает.)* Merci за откровенность! *(Идет к двери.)*

Софья Егоровна. Вы сердитесь? *(Встает.)* Пойдите, Михаил Васильич! Для чего же в амбицию вламываться? Я не хотела...

Платонов *(останавливается)*. Эх вы!

Пауза.

Выходит, значит, что я вам не надоел, а что вы боитесь, трусите... Трусите, Софья Егоровна? *(Подходит к ней.)*

Софья Егоровна. Перестаньте, Платонов! Лжете! Я не боялась и не думаю бояться!

Платонов. Где же ваш характер, где сила здравомыслящих мозгов, если каждый встречный, мало-мальски не банальный мужчина может вам казаться опасным для вашего Сергея Павловича! Я и без вас шлялся сюда каждый день,

а беседовал с вами, потому что считал вас умной, понимающей женщиной! Какая глубокая испорченность! Впрочем... Виноват, я увлекся... Я не имел права говорить вам всё это... Извините за неприличную выходку...

Софья Егоровна. Никто не дал вам права говорить такие вещи! Если вас слушают, то из этого не следует, что вы имеете право говорить всё то, что вам вздумается! Ступайте от меня!

Платонов (*хохочет*). Вас преследуют?! Вас ищут, хватают вас за руки?! Вас, бедную, хотят отнять у вашего мужа?! В вас влюблен Платонов, оригинал Платонов?! Какое счастье! Блаженство! Да ведь это такие конфекты для нашего маленького самолюбвица, каких не едал ни один конфектный фабрикант! Смешно... Не к лицу развитой женщине эти сладости! (*Идет в дом.*)

Софья Егоровна. Вы дерзки и резки, Платонов! Вы с ума сошли! (*Идет за ним и останавливается у двери.*) Ужасно! Для чего он говорил всё это? Он хотел ошеломить меня... Нет, я этого не выношу... Я пойду, скажу ему... (*Уходит в дом.*)

Из-за беседки выходит Осип.

ЯВЛЕНИЕ VII

Осип, Яков и Василий.

Осип (*входит*). Пять хороших! Шесть нехороших! Черт знает, чем занимаются! Шли бы лучше в преферанс играть... По одной десятой... Или в ступолку... (*Якову.*) Здоров, Яша! Того... м-м-м... Венгерович здесь?

Яков. Здесь.

О с и п . Пойди позови! Потихонечку вызови! Скажи, что дело есть большое...

Я к о в . Ладно. *(Идет в дом.)*

О с и п *(срывает фонарь, тушит и кладет его в карман).*
В прошлом году в городе я у Дарьи Ивановны, что вещи краденые покупает да питейное заведение с девицами держит, в стуюлку играл... Три копейки обязательного были... Ремизы доходили до двух целковых... Выиграл восемь рублей... *(Срывает другой фонарь.)* Весело в городе!

В а с и л и й . Не для вас фонари повешены! Чего рвать?

О с и п . А я тебя и не вижу! Здорово, осел! Как поживаешь? *(Подходит к нему.)* Как дела?

Пауза.

А х т ы , лошадь! А х т ы , свинопас! *(Снимает с него шапку.)*
Смешной ты человек! Ей-богу, смешной! У тебя хоть капелька ума есть? *(Бросает шапку на дерево.)* Ударь меня по щеке за то, что я вредный человек!

В а с и л и й . Пушай вас кто другой ударит, а я не стану бить!

О с и п . А убивать станешь? Нет, коли у тебя есть ум, так ты не артелью убивай, а сам убей! Плюнь мне в лицо за то, что я вредный человек!

В а с и л и й . Не плюну. Ну чего пристали?

О с и п . Не плюнешь? Боишься меня, значит? Становись же передо мной на колени!

Пауза.

Ну? Становись! Кому говорю? Стенам или человеку живому?

Пауза.

Кому говорю?

В а с и л и й (*становится на колени*). Грех вам, Осип Иванович!

О с и п. Стыдно стоять? Очень мне это приятно... Господин во фраке, а на коленках пред разбойником стоит... Ну, а теперь кричи ура, что есть духу... Ну?

Входит Венгерович 1.

Я В Л Е Н И Е V I I I

Осип и Венгерович 1.

Венгерович 1 (*выходит из дома*). Кто здесь меня звал?

О с и п (*быстро снимает шапку*). Я-с, ваше степенство!

Василий поднимается, садится на скамью и плачет.

Венгерович 1. Что тебе нужно?

О с и п. Вы изволили искать и спрашивать меня у кабатчика, вот я и пришел!

Венгерович 1. Ах да... Но... не мог разве выбрать другого места?

О с и п. Для хороших людей, ваше превосходительство, всякое место хорошо!

Венгерович 1. Ты мне отчасти нужен... Отойдем отсюда... Вон к той скамье!

Идут к скамье, стоящей в глубине сцены.

Стань немного поодаль так, как будто ты со мной не говоришь... Вот так! Тебя кабатчик Лев Соломоныч прислал?

О с и п. Так точно.

Венгерович 1. Напрасно... Я не тебя хотел, но... что поделаешь? Ничего с тобой не поделаешь. С тобой не следовало бы делов иметь... Ты такой нехороший человек...

О с и п. Очень нехороший! Хуже всех на свете.

Венгерович 1. Говори тише! Сколько я передавал тебе денег, так это ужас, а ты этого не чувствуешь, как будто мои деньги камни или другой какой-нибудь ненужный предмет... Ты позволяешь себе дерзости, воруешь... Отвращиваешься? Не нравится правда? Правда глаза колет?

О с и п. Колет, да только не ваша, ваше превосходительство! Вы позвали меня сюда только за тем, чтобы наставления мне читать?

Венгерович 1. Говори тише... Ты знаешь... Платонова?

О с и п. Учителя? Как не знать!

Венгерович 1. Да, учителя. Учителя, который учит только ругаться и больше ничему. За сколько ты возьмешься искалечить этого учителя?

О с и п. То есть как искалечить?

Венгерович 1. Не убить, а искалечить... Убивать людей не следует... Для чего их убивать? Убийство — это вещь такая, что... Искалечить, то есть побить так, чтобы всю жизнь помнил...

О с и п. Это могу-с...

Венгерович 1. Поломай ему что-нибудь, на лице уродство сделай... Что возьмешь? Тссс... Кто-то идет... Отойдем немного далее...

Идут в глубину сцены... Из дома выходят Платонов
и Грекова.

ЯВЛЕНИЕ IX

Венгерович 1 и Осип *(в глубине сцены)*,
Платонов и Грекова.

Платонов *(смеется)*. Что, что? Как? *(Хохочет.)* Как? Я не расслышал...

Грекова. Не расслышали? Что ж? Я могу повторить... Я даже еще резче выражусь... Вы не обидитесь, разумеется... Вы так привыкли к разного рода резкостям, что мои слова едва ли будут вам в диковинку...

Платонов. Говорите, говорите, красавица!

Грекова. Я не красавица. Кто считает меня красавицей, тот не имеет вкуса... Откровенно — ведь я некрасива? Как на ваш взгляд?

Платонов. После скажу. Говорите вы теперь!

Грекова. Так слушайте же... Вы или необыкновенный человек, или же... негодяй, кто-нибудь из двух.

Платонов хохочет.

Смеетесь... Впрочем, смешно... *(Хохочет.)*

Платонов *(хохочет)*. Она это сказала! Ай да дурочка! Скажите, пожалуйста! *(Берет ее за талию.)*

Грекова *(садится)*. Позвольте однако ж...

Платонов. И она туда же, куда и люди! Философствует, химией занимается и какие изречения откальвает! Поди ты с ней, с презренной! *(Целует ее.)* Хорошенькая, оригинальная бестия...

Грекова. Позвольте же... Что же это? Я... я не говорила... *(Встает и опять садится.)* Зачем вы меня целуете? Я вовсе...

Платонов. Сказала и удивила! Дай, мол, скажу и поражу! Пусть увидит, какая я умная! *(Целует ее.)* Растерялась... растерялась... Глупо смотрит... Ах, ах...

Грекова. Вы... Вы меня любите? Да?.. Да?

Платонов *(пищит)*. А ты меня любишь?

Грекова. Если... если... то... да... *(Плачет.)* Любишь? Иначе бы ты не делал так... Любишь?

Платонов. Ни капельки, моя прелесть! Не люблю дурачков, грешный человек! Люблю одну дуру, да и то от нечего делать... О! Поблуднела! Глазами засверкала! Знай, мол, наших!..

Грекова *(поднимается)*. Издеваетесь, что ли?

Пауза.

Платонов. Чего доброго пощечину влепит...

Грекова. Я горда... Не умею пачкать рук... Я вам сказала, милостивый государь, что вы или необыкновенный человек, или же негодяй, теперь же я вам говорю, что вы необыкновенный негодяй! Презираю вас! *(Идет к дому.)* Не заплачу теперь... Я рада, что наконец-таки узнала, что вы за птица...

Входит Трилецкий.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Трилецкий *(в цилиндре)*.

Трилецкий *(входит)*. Журавли кричат! Откуда это они взялись? *(Смотрит вверх.)* Так рано...

Грекова. Николай Иваныч, если вы уважаете меня... себя хоть сколько-нибудь, то не знайтесь с этим человеком! *(Указывает на Платонова.)*

Трилецкий *(смеется)*. Помилуйте! Это мой почтеннейший родственник!

Грекова. И друг?

Т р и л е ц к и й . И друг.

Г р е к о в а . Не завидую вам. И ему тоже, кажется... не завидую. Вы добрый человек, но... этот шуточный тон... Бывает время, когда тошнит от ваших шуток... Я не хочу вас обидеть этим, но... я оскорблена, а вы... шутите! *(Плачет.)* Я оскорблена... Но, впрочем, я не заплачу... Я горда. Знайтесь с этим человеком, любите его, поклоняйтесь его уму, бойтесь... Вам всем кажется, что он на Гамлета похож... Ну и любуйтесь им! Дела мне нет... Не нужно мне от вас ничего... Шутите с ним, сколько вам угодно, с этим... негодяем! *(Уходит в дом.)*

Т р и л е ц к и й *(после паузы)*. Съел, брат?

П л а т о н о в . Ничего я не ел...

Т р и л е ц к и й . Пора бы, Михаил Васильич, по чести, по совести оставить ее в покое. Стыдно, право... Такой умный и большой человек, а выделяешь черт знает что... Вот и назвали негодяем...

Пауза.

Не могу же я в самом деле разорваться на две половины, чтобы одной половиной уважать тебя, а другой благоволить к девушке, назвавшей тебя негодяем...

П л а т о н о в . Не уважай меня, не понадобится это раздвоение.

Т р и л е ц к и й . Не могу же я не уважать тебя! Ты сам не знаешь, что ты говоришь.

П л а т о н о в . Остается, значит, только одно: не благоволить к ней. Не понимаю я тебя, Николай! Что хорошего, умный человек, ты нашел в этой дурочке?

Т р и л е ц к и й . Гм... Генеральша часто упрекает меня в недостатке джентльменства и указывает мне на тебя, как на образец джентльменства... А по-моему, этот упрек можно всецело отнести и к тебе, образцу... Все вы, а в особенности

ты, кричите на каждом переулке, что я влюблен в нее, смеетесь, дразните, подозреваете, следите...

Платонов. Выражайся ясней...

Трилецкий. Я, кажется, ясно выражаюсь... И в то же время у вас хватает совести величать ее при мне дурочкой, дрянью... Не джентльмен ты! Джентльмены знают, что у влюбленных есть известное самолюбие... Не дура она, братец! Она не дура! Она жертва ненужная, вот что! Бывают минутки, друг мой, когда хочется кого-нибудь ненавидеть, в кого-нибудь вьестся, на ком-нибудь выместить свою какую-нибудь пакость... Отчего же на ней не попробовать? Она годится! Слаба, безответна, смотрит на тебя так до глупости доверчиво... Понимаю я всё это очень хорошо... *(Встает.)* Пойдем выпьем!

Осип *(Венгеровичу)*. Ежели не отдадите тогда остальных, то на сто укладу. Об этом не сомневайтесь!

Венгерович 1 *(Осипу)*. Говори тише! Когда будешь его бить, то не забудь сказать: «благодарный кабатчик!» Тсс... Ступай! *(Идет к дому.)*

Осип уходит.

Трилецкий. Черт возьми, Абрам Абрамыч! *(Венгеровичу.)* Ты, Абрам Абрамыч, не болен?

Венгерович 1. Ничего... Слава богу, здоров.

Трилецкий. Какая жалость! А мне так деньги нужны! Веришь ли? До зарезу, что называется...

Венгерович 1. Следовательно, выходит, доктор, из ваших слов, что вам больные нужны до зарезу? *(Смеется.)*

Трилецкий. Удачно сострил! Хотя тяжело, да зато удачно! Ха-ха-ха и паки ха-ха-ха! Смейся, Платонов! Дай, голубчик, если можешь!

Венгерович 1. Вы мне и так уже много должны, доктор!

Т р и л е ц к и й . Для чего говорить это? Кто этого не знает? А сколько я тебе должен?

В е н г е р о в и ч 1. Около... Ну да... Двести сорок пять рублей, кажется.

Т р и л е ц к и й . Дай, великий человек! Одолжи, и я одолжу тебя когда-нибудь! Будь столь добр, великодушен и храбр! Самый храбрый из евреев тот, кто дает займы без расписки! Будь самым храбрым евреем!

В е н г е р о в и ч 1. Гм... евреем... Всё евреи да евреи... Уверяю вас, господа, что во всю жизнь мою я не видел ни одного русского, который давал бы деньги без расписки, и уверяю вас, что нигде не практикуется в таких больших размерах давание денег без расписки, как среди нечестного еврейства!.. Пусть отнимет у меня бог мою жизнь, если я лгу! *(Вздыхает.)* Многому, очень многому можно с успехом и с пользою поучиться вам, молодые люди, у нас, евреев, а в особенности у стариков евреев... Очень многому... *(Вынимает из кармана бумажник.)* Вам занимаешь деньги с охотой, с удовольствием, а вы... смеяться, пошутить любите... Нехорошо, господа! Я старик... У меня есть дети... Считаю подлецом, но обходись по-человечески... На то вы и в университете учились...

Т р и л е ц к и й . Ты хорошо говоришь, Абрам Абрамыч!

В е н г е р о в и ч 1. Нехорошо, господа, дурно... Можно подумать, что между вами, развитыми людьми, и моими приказчиками нет никакой разницы... И тыкать вам никто не позволил... Сколько вам? Очень дурно, молодые люди... Сколько вам?

Т р и л е ц к и й . Сколько дашь...

Пауза.

В е н г е р о в и ч 1. Я вам дам... Я вам могу дать... пятьдесят рублей... *(Дает деньги.)*

Трилецкий. Роскошно! *(Берет деньги.)* Велик!

Венгерович 1. На вас, доктор, моя шляпа!

Трилецкий. Твоя? Гм... *(Снимает шляпу.)* На, возьми...
Отчего ты не отдашь его почистить? Ведь дешево возьмут!
Как по-еврейски цилиндр?

Венгерович 1. Как угодно. *(Надевает шляпу.)*

Трилецкий. А тебе идет цилиндр, к лицу. Барон, совсем барон! Отчего ты не купишь себе баронства?

Венгерович 1. Ничего я не знаю! Оставьте меня, пожалуйста!

Трилецкий. Ты велик! Отчего это тебя понять не хотят?

Венгерович 1. Отчего не хотят оставить в покое, скажите лучше! *(Уходит в дом.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

Платонов и Трилецкий.

Платонов. Для чего ты взял у него эти деньги?

Трилецкий. Да так... *(Садится.)*

Платонов. Как это: да так?

Трилецкий. Взял да и шабаш! А тебе его жалко, что ли?

Платонов. Не в том дело, братец!

Трилецкий. В чем же?

Платонов. Не знаешь?

Трилецкий. Не знаю.

Платонов. Врешь, знаешь!

Пауза.

Великою любовию воспылал бы я к тебе, душа моя, если бы ты хоть неделку, хоть денек пожил по каким-нибудь пра-

вилам, хоть бы самым мизерным! Для таких субъектов, как ты, правила необходимы, как хлеб насущный...

Пауза.

Т р и л е ц к и й . Ничего не знаю... Не нам, брат, с тобой переделывать плоть нашу! Не нам сломать ее... Знал я это, когда еще с тобой в гимназии по-латыни единицы получал... Не будем же болтать попусту... Да прильпнут гортани к языкам!

Пауза.

Смотрел я третьего дня, братец ты мой, у одной своей дамочки портреты «Современных деятелей» и читал их биографии. И что же ты думаешь, любезный? Ведь нет нас с тобой среди них, нет! Не нашел, как ни бился! *Lasciate*, Михаил Васильич, *ogni speranza!*¹ — говорят итальянцы. Не нашел я ни тебя, ни себя среди современных деятелей и — вообрази! Я спокоен! Вот Софья Егоровна так не того... не спокойна...

П л а т о н о в . При чем же тут Софья Егоровна?

Т р и л е ц к и й . Обижается, что ее между «Современными деятелями» нет... Воображает, что стоит ей только мизинцем шевельнуть — и земной шар рот разинет, человечество от радости шапку потеряет... Воображает... Гм... Ни в одном умном романе ты не найдешь столько белиберды, сколько в ней... А в сущности гроша медного не стоит. Лед! Камень! Статуя! Так и хочется подойти к ней и соскоблить с ее носа капельку гипса... А чуть что... сейчас истерика, глас и воздыхания... Силенок ни на грош... Умная кукла... На меня с презрением смотрит, шалопаем

¹ Оставьте всякую надежду! (*итал.*)

считает... А чем ее Сереженька лучше нас с тобой? Чем? Тем только и хорош, что водки не пьет, возвышенно мыслит и без зазрения совести величает себя человеком будущего. Впрочем, не судите, не судимы будете... *(Встает.)* Пойдем выпьем!

Платонов. Не пойду. Мне там душно.

Трилецкий. Пойду сам. *(Потягивается.)* Кстати, что означают на вензеле эти Слово и Веди? Софью ли Войницеву или Сергея Войничева? Кого хотел уважить этими литерами наш филолог, себя или свою супругу?

Платонов. Мне сдается, что эти литеры означают: «Слава Венгеровичу!» На его деньги кутим.

Трилецкий. Да... Что это с генеральшей сегодня делается? Хохочет, стонет, лезет целоваться... Точно влюблена...

Платонов. В кого ей тут влюбиться? В самое себя разве? Ты не верь в ее смех. Нельзя верить в смех той умной женщины, которая никогда не плачет: она хохочет тогда, когда ей плакать хочется. А нашей генеральше не плакать, а застрелиться хочется... Это и по глазам ее видно...

Трилецкий. Женщины не стреляются, а травятся... Но не будем философствовать... Когда я философствую, я жестоко вру... Славная бабенка наша генеральша! Я вообще ужасно скверно мыслю, когда смотрю на женщину, но это единственная женщина, от которой отскакивают все мои лютые помыслы, как горох от стены. Единственная... Когда я гляжу на ее реальное лицо, я начинаю верить в платоническую любовь. Идешь?

Платонов. Нет.

Трилецкий. Пойду сам... С попом выпью... *(Идет и сталкивается у двери с Глагольевым 2.)* Ах! Ваше сиятельство, самоделковый граф! Нате вам три рубля! *(Сует ему в руку три рубля и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Платонов и Глагольев 2.

Глагольев 2. Странная личность! Ни с того ни с сего: нате вам три рубля! (*Кричит.*) Я сам могу вам дать три рубля! Гм... Какой идиот! (*Платонову.*) Он ужасно поражает меня своею глупостью. (*Смеется.*) Глуп до безобразия!

Платонов. Что же вы, танцор, не танцуете?

Глагольев 2. Танцевать? Здесь? С кем, позвольте спросить? (*Садится рядом.*)

Платонов. Уж будто бы и не с кем?

Глагольев 2. Одни только типы! Все типы, на кого ни посмотришь! Какие-то рожи, орлиные носы, жеманство... А дамы? (*Хохочет.*) Черт знает что! При такой публике я всегда предпочитаю танцам буфет.

Пауза.

Какой в России, однако же, воздух несвежий! Какой-то промозглый, душный... Терпеть не могу России!..

Невежество, вонь... Бррр... То ли дело... Вы были хоть раз в Париже?

Платонов. Не был.

Глагольев 2. Жаль. Впрочем, успеете еще побывать. Когда будете ехать туда, то скажете мне. Я вам открою все тайны Парижа. Я дам вам триста рекомендательных писем, и триста шикажнейших французских кокоток в вашем распоряжении...

Платонов. Благодарю вас, я сыт. Скажите мне, правду ли говорят, что ваш отец хочет купить Платоновку?

Глагольев 2. Право, не знаю. Я далеко держу себя от коммерции... А вы заметили, как *mon père*¹ ухаживает за вашей генеральшей? (*Хохочет.*) Вот еще тоже тип! Этот старый барсук хочет

¹ мой отец (*франц.*).

жениться! Глуп, как тетерев! А ваша генеральша *charmante*¹! Со всем недурна!

Пауза.

Она такая душка, такая душка... А формы?! Фи, фи! (*Бьет Платонова по плечу.*) Счастливчик! Она затягивается? Сильно затягивается?

Платонов. Не знаю... Я не присутствую при ее туалете...

Глагольев 2. А мне говорили... Разве вы не...

Платонов. Вы, граф, идиот!

Глагольев 2. Но я пошутил... Зачем сердиться? Какой вы, право, чудак! (*Тихо.*) А правду ли говорят, что она... Немного щекотливый вопрос, но между нами, я полагаю... Правду ли говорят, что она иногда любит деньги до положения риз?

Платонов. Об этом спросите у нее самой. Я не знаю.

Глагольев 2. Спросить у нее самой? (*Хохочет.*) Что за идея?! Платонов! Что вы говорите?!

Платонов (*садится на другую скамью*). Какой же вы мастер надоедать!

Глагольев 2 (*хохочет*). А что если на самом-таки деле спросить? Впрочем, почему же и не спросить?

Платонов. Разумеется... (*В сторону.*) Спроси только... Она отобьет тебе твои глупые щеки! (*Ему.*) Спросите!

Глагольев 2 (*вскакивает*). Клянусь, что это великая идея!.. Миллион чертей! Я спрошу, Платонов, и даю вам честное слово, что она моя! У меня предчувствие есть! Сейчас же спрошу! Держу пари, что она моя! (*Бежит к дому и у двери сталкивается с Анной Петровной и Трилецким.*) Mille pardons², madame! (*Расшаркивается и уходит.*)

Платонов садится на старое место.

¹ прелестна! (*франц.*)

² Тысячу извинений (*франц.*).

ЯВЛЕНИЕ XIII

Платонов, Анна Петровна
и Трилецкий.

Трилецкий *(на крыльце)*. Вон он сидит, наш великий мудрец и философ! Сидит настоroje и с нетерпением ожидает добычи: кому бы нотацию прочесть на сон грядущий?

Анна Петровна. Не клюет, Михаил Васильич!

Трилецкий. Плохо! Не клюется что-то сегодня! Бедный моралист! Жалею тебя, Платонов! Однако же я пьян и... однако же меня там дьякон ждет! Прощайте! *(Уходит.)*

Анна Петровна *(идет к Платонову)*. Что вы тут сидите?

Платонов. В комнатах душно, и это хорошее небо лучше вашего побеленного бабами потолка!

Анна Петровна *(садится)*. Прелесть, что за погода! Чистый воздух, прохлада, звездное небо и луна! Жалею, что барыням нельзя спать на дворе под небом. Когда я была девочкой, я всегда летом ночевала в саду.

Пауза.

А у вас галстух новый?

Платонов. Новый.

Пауза.

Анна Петровна. Я сегодня в каком-то особенном настроении... Мне сегодня всё нравится... Гуляю! Ну да говорите же что-нибудь, Платонов! Чего вы молчите? Я для того и явилась сюда, чтобы вы говорили... Экой вы!

Платонов. Что вам говорить?

Анна Петровна. Скажите мне что-нибудь новенькое, хорошенькое, кисленькое... Вы сегодня такой умный, такой хорошенький... Право, мне кажется, что я сегодня влюблена в вас более, чем когда-либо... Душка вы такой сегодня! И бунтуете мало!

Платонов. И вы сегодня такая красавица... Впрочем, вы всегда красавица!

Анна Петровна. Мы с вами друзья, Платонов?

Платонов. По всей вероятности... Пожалуй, что друзья... Что же другое можно назвать дружбой?

Анна Петровна. Во всяком случае друзья? а?

Платонов. Полагаю, что большие... Я к вам сильно привык и привязан... Много нужно времени, чтобы отучить меня от вас...

Анна Петровна. Большие друзья?

Платонов. Для чего эти вопросы? Бросьте их, матушка! Друзья... друзья... Точно дева старая...

Анна Петровна. Хорошо... Мы друзья, а знаете ли, что от дружбы между мужчиной и женщиной до любви единый только шаг, милостивый государь? *(Смеется.)*

Платонов. Вот как! *(Смеется.)* К чему вы это говорите? Ну да мы с вами не дошагаем до чертиков, как бы широко ни шагали...

Анна Петровна. Любовь — чертики... Сравнил! Не слышит тебя твоя жена! Pardon, я на вас тыкнула... Ей-богу, Мишель, нечаянно! А почему же нам и не дошагаться? Разве мы не люди, что ли? Любовь вещь хорошая... Чего же краснеть-то?

Платонов *(смотрит на нее пристально)*. Вы, я вижу, или шутите мило, или же хотите... договориться до чего-то... Пойдемте-ка вальс танцевать!

Анна Петровна. Не умеете вы танцевать!

Пауза.

Надо с вами поговорить как следует... Пора... (*Оглядывается.*) Потрудитесь, *mon cher*¹, слушать и не философствовать!

Платонов. Пойдемте плясать, Анна Петровна!

Анна Петровна. Сядемте подальше... Идите сюда! (*Садятся на другую скамью.*) Вот только не знаю, с чего начать... Вы такой неповоротливый и лживый человечина...

Платонов. Не начать ли мне, Анна Петровна?

Анна Петровна. Ведь вы околесную понесете, Платонов, когда начнете! Скажите, пожалуйста! Он сконфузился! Поверю — держи карман! (*Бьет Платонова по плечу.*) Шутник Миша! Ну говорите же, говорите... Покороче только...

Платонов. Я буду короток... Вот что я вам хочу сказать: для чего?

Пауза.

Честное слово, не стоит, Анна Петровна!

Анна Петровна. Почему же? Да вы послушайте... Вы меня не понимаете... Будь вы свободны, я, недолго думая, сделалась бы вашей женой, отдала бы вам в вечное владение мое превосходительство, но теперь... Ну? Молчание знак согласия? Так, что ли?

Пауза.

Послушайте, Платонов, в данном случае неприлично молчать!

Платонов (*вскакивает*). Забудем этот разговор, Анна Петровна! Давайте, бога ради, сделаем так, как будто бы его вовсе и не было! Не было его!

Анна Петровна (*пожимает плечами*). Странный человек! Почему же?

¹ дорогой мой (*франц.*).

Платонов. Потому что я уважаю вас! Я так уважаю в себе это уважение к вам, что расстаться с ним для меня будет тяжелее, чем провалиться сквозь землю! Друг мой, я свободный человек, я не прочь приятно провести время, я не враг связей с женщинами, не враг даже благородных интрижек, но... с вами заводить мелкую интрижку, вас делать предметом своих праздных помыслов, вас, умную, прекрасную, свободную женщину?!

Нет! Это уж слишком! Лучше прогоните меня от себя за тридевять земель! Пожить глупо месяц, другой, а там... краснея разойтись?!

Анна Петровна. Речь идет о любви!

Платонов. А разве я не люблю вас? Я люблю вас добрую, умную, милосердную... Я люблю вас отчаянно, бешено! Жизнь свою я отдам за вас, если вы захотите! Люблю как женщину — человека! Неужели же всякая любовь должна подтасовываться под известный род любви? Моя любовь для меня в тысячу раз дороже той, которая взбрела вам на ум!..

Анна Петровна *(встает)*. Ступай, милый, проспись! Проспишься, тогда и поговорим...

Платонов. Забудем этот разговор... *(Целует руку.)* Будем друзьями, но не будем шалить друг другом: мы стоим по отношению друг к другу лучшей участи!.. И к тому же я все-таки... хоть немножко, да женат! Оставим этот разговор! Да будет всё по-старому!

Анна Петровна. Ступай, милый, ступай! Женат... Ведь меня любишь? Зачем же тут про жену толковать? Марш! После поговорим, часика через два... Теперь ты находишься в припадке лжи...

Платонов. Глать я вам не умею... *(Тихо ей на ухо.)* Если бы я умел тебе глать, то давно уже я был бы твоим любовником...

Анна Петровна *(резко)*. Убирайтесь!

Платонов. Врете, не сердитесь... Это вы так только...
(Уходит в дом.)

Анна Петровна. Чудак человек! (Садится.) Сам не понимает, что говорит... Всякую любовь подтасовывать под известный род любви... Чепуха какая! Точно любовь писателя к писательнице...

Пауза.

Невыносимый человек! Этак мы до страшного суда с тобой, друг милый, проболтаем! Не взяла честью, силой возьму... Сегодня же! Пора уже обним выйти из этого глупого выжидательного положения... Надоело... Возьму силой... Это кто идет? Глагольев... меня ищет...

Входит Глагольев 1.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Анна Петровна и Глагольев 1.

Глагольев 1. Скучно! Говорят эти люди о том, что я годы тому назад слышал; думают то, о чем я в детстве думал... Всё старо, ничего нового... Поговорю с ней и уеду.

Анна Петровна. О чем это вы бормочете, Порфирий Семеныч? Можно узнать?

Глагольев 1. Вы здесь? (Идет к ней.) Я браню себя за то, что я здесь лишний...

Анна Петровна. Не потому ли, что на нас не похожи? Полноте! Мирятся люди с тараканами, помиритесь и вы с нашими людьми! Подсаживайтесь-ка, потолкуем!

Глагольев 1 (садится рядом). Я вас искал, Анна Петровна! Мне нужно с вами поговорить кое о чем...

Анна Петровна. И давайте говорить...

Глагольев 1. Мне хотелось бы с вами поговорить... Мне хочется узнать ответ моему... письму...

Анна Петровна. Гм... На что я вам сдалась, Порфирий Семеныч?

Глагольев 1. Я, знаете ли, отрешаюсь... от прав мужа... Не до прав мне! Мне нужен друг, умная хозяйка... У меня есть рай, но нет в нем... ангелов.

Анна Петровна (*в сторону*). Что ни слово — то сахару кусок! (*Ему*.) Часто я задаю себе вопрос, что я буду в раю делать, я — человек, а не ангел, если попаду в него?

Глагольев 1. Можете ли вы знать, что вы будете делать в раю, если не знаете, что будете делать завтра? Хороший человек везде найдет себе работу, и на земле, и на небе...

Анна Петровна. Всё это прекрасно, но будет ли мое житье у вас стоить того, что я за него буду получать? Немножко странно, Порфирий Семеныч! Извините меня, Порфирий Семеныч, но мне ваше предложение кажется очень странным... Для чего вам жениться? Для чего вам сдался друг в юбке? Не мое дело, извините... но уж на то пошло, договорию. Будь я в ваших летах, имей я столько денег, ума и правды, сколько вы имеете, я ничего не искала бы на этом свете, кроме общего блага... то есть, как бы так выразиться, я ничего не искала бы, кроме удовлетворения любви к ближним...

Глагольев 1. Не умею я биться за благополучие людей... Для этого нужны воля железная и уменьье, а их-то и не дал мне бог! Я родился для того только, чтобы любить великие дела и наделать массу грошовых, ничего не стоящих... Только любить! Пойдемте ко мне!

Анна Петровна. Нет. Не говорите больше ни слова об этом... Не придавайте моему отказу жизненного значения... Суета, мой друг! Если бы мы владели всем тем, что

мы любим, то у нас не хватило бы места... для наших владений... Значит, не совсем неумно и нелюбезно поступают, когда отказывают... *(Хохочет.)* Вот вам и философия на закуску! Что это за шум? Слышите? Бьюсь об заклад, что это Платонов бунтует... Что за характер!

Входят Грекова и Трилецкий.

Я В Л Е Н И Е X V

Анна Петровна, Глагольев 1, Грекова
и Трилецкий.

Грекова *(входя)*. Это выше всяких оскорблений! *(Плачет.)* Выше! Молчать могут, видя это, одни только испорченные люди!

Трилецкий. Верю, верю, но при чем же я тут? Я-то тут при чем? Не идти же мне на него с дубиной, согласитесь сами!

Грекова. Должны были идти с дубиной, если не имеете других средств! Отойдите от меня! Я, я, женщина, не молчала бы, если бы при мне оскорбляли вас так низко, так бесстыдно и незаслуженно!

Трилецкий. Но ведь я же того... Рассуждайте умно!.. Чем виноват я?..

Грекова. Вы трус, вот кто вы! Ступайте от меня прочь к вашему отвратительному буфету! Прощайте! Не трудитесь ездить ко мне больше! Не нужны мы друг другу... Прощайте!

Трилецкий. Прощайте, сделайте милость, прощайте! Надоело всё это, опротивело без конца! Слезы, слезы... А, боже мой! У меня у самого в голове вертеж... *coenurus cerebralis!* Э-э-э... *(Машет рукой и уходит.)*

Грекова. *Soenurus cerebralis...* (*Идет.*) Оскорбил... За что? Что я сделала?

Анна Петровна (*подходит к ней*). Марья Ефимовна... Не держу вас... Я сама бы ушла отсюда на вашем месте... (*Целует ее.*) Не плачьте, моя дорогая... Большая часть женщин создана для того, чтобы сносить всякие гадости от мужчин...

Грекова. Только не я... Я его... уволю! Он не будет здесь учителем! Он не имеет права быть учителем! Завтра же поеду к директору народных училищ...

Анна Петровна. Полноте... На днях я побываю у вас, и мы вместе осудим Платонова, а пока успокойтесь... Перестаньте плакать... Вы будете удовлетворены... На Трилецкого же вы не сердитесь, моя дорогая... Он не заступился за вас потому, что он слишком добр и мягок, а такие люди не в состоянии заступаться... Что он вам сделал?

Грекова. Он при всех поцеловал... назвал душой и... и... пхнул на стол... Не думайте, что это пройдет ему безнаказанно! Или он сумасшедший, или же... Я покажу ему! (*Уходит.*)

Анна Петровна (*ей вслед*). Прощайте! Скоро увидимся! (*Якову.*) Яков! Подать экипаж Марье Ефимовне! Ах, Платонов, Платонов... Добуянится он когда-нибудь до беды...

Глагольев 1. Прекрасная девушка! Не влюбил ее наш добрейший Михаил Васильич... Обижает...

Анна Петровна. Ни за что! Сегодня обижает, а завтра извиняется... Барская струнка!

Входит Глагольев 2.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Глагольев 2.

Глагольев 2 (*в сторону*). С ней! Опять с ней! Это, наконец, уж черт знает что такое? (*Смотрит в упор на отца.*)

Глагольев 1 (*после паузы*). Что тебе?

Глагольев 2. Ты здесь сидишь, а тебя там ищут! Иди, тебя там зовут!

Глагольев 1. Кто меня там зовет?

Глагольев 2. Люди!

Глагольев 1. Знаю, что люди... (*Встает.*) Как хотите, а я не отстану от вас, Анна Петровна! Авось другое заговорите, когда поймете меня! Увидимся... (*Уходит в дом.*)

ЯВЛЕНИЕ XVII

Анна Петровна и Глагольев 2.

Глагольев 2 (*садится рядом*). Старый барсуک! Осел! Его никто не зовет! Это я надул его!

Анна Петровна. Когда вы поумнеете, вы сильно ругаете себя за отца!

Глагольев 2. Шутите... Вот зачем я сюда пришел... Два слова... Да или нет?

Анна Петровна. То есть?

Глагольев 2 (*смеется*). Будто бы не понимаете? Да или нет?

Анна Петровна. Решительно не понимаю!

Глагольев 2. Сейчас поймете... При помощи злата всё понимается... Если «да», то не угодно ли вам будет, генералиссимус души моей, залезть ко мне в карман и вытащить оттуда мой бумажник с папашиными деньгами?.. (*Подставляет боковой карман.*)

Анна Петровна. Откровенно... Да ведь за такие речи умным людям пощечины дают!

Глагольев 2. От приятной дамы приятно и пощечину получить... Сперва пощечину даст, а потом немного погоды и «да» скажет...

Анна Петровна (*встает*). Берите вашу шапку и уберите отсюда сию же секунду!

Глагольев 2 (*встает*). Куда?

Анна Петровна. Куда угодно! Убираться и не смей показываться сюда!

Глагольев 2. Фи... Для чего же сердиться? Я не уйду, Анна Петровна!

Анна Петровна. Ну так я прикажу вас вывести! (*Уходит в дом.*)

Глагольев 2. Какая вы сердитая! Я ведь ничего не сказал такого, особенного... Что же я сказал? Сердитесь не нужно... (*Уходит за ней.*)

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Платонов и Софья Егоровна выходят из дома.

Платонов. В школе я и доселе пребываю в качестве занимающего не свое место, а место учителя... Вот что было после того, как мы расстались!.. (*Садятся.*) Не говорю про людей, что я сделал лично для себя? Что я в себе посеял, что взлелеял, что возрастил?.. А теперь! Эх! Страшное безобразие... Возмутительно! Зло кишит вокруг меня, пачкает землю, глотает моих братьев во Христе и по родине, я же сижу, сложив руки, как после тяжелой работы; сижу, гляжу, молчу... Мне двадцать семь лет, тридцати лет я буду таким же — не предвижу перемены! — там дальше жирное халатничество, отупение, полное равнодушие ко всему тому, что не плоть,

а там смерть!! Пропала жизнь! Волосы становятся дыбом на моей голове, когда я думаю об этой смерти!

Пауза.

Как подняться, Софья Егоровна?

Пауза.

Вы молчите, не знаете... Да и знать ли вам? Софья Егоровна, не жалко мне себя! Черт с ним, с этим мной! Но что с вами поделалось? Где ваша чистая душа, ваша искренность, правдивость, ваша смелость? Где ваше здоровье? Куда вы дели его? Софья Егоровна! Проводить целые годы в безделье, мозолить чужие руки, любоваться чужими страданиями и в то же время уметь прямо глядеть в глаза — это разврат!

Софья Егоровна встает.

(Сажает ее.) Это последнее слово, стойте! Что сделало вас жеманной, ленивицей, фразеркой? Кто научил вас лгать? А какой вы были прежде! Позвольте! Я сейчас отпущу вас! Дайте договорить! Как вы были хороши, Софья Егоровна, как велики! Голубушка, Софья Егоровна, может быть, вам еще можно подняться, не поздно! Подумайте! Соберите все ваши силы и поднимайтесь ради самого бога! *(Хватает ее за руку.)* Дорогая моя, скажите мне откровенно, ради того нашего общего прошлого, что заставило вас выйти замуж за этого человека? Чем прельстило вас это замужество?

Софья Егоровна. Он прекрасный человек...

Платонов. Не говорите того, во что вы не верите!

Софья Егоровна *(встает)*. Он мой муж, и я просила бы вас...

Платонов. Будь он чем ему угодно, а я скажу правду! Сядьте! (*Сажает ее*). Отчего вы не выбрали себе труженика, страдальца? Отчего не взяли себе в мужья кого-нибудь другого, а не этого пигмея, погрязшего в долгах и безделье?..

Софья Егоровна. Оставьте! Не кричите! Идут...

Проходят гости.

Платонов. Черт с ними! Пусть все слышат! (*Тихо*.) Извините меня за резкость... Но ведь я любил вас! Я любил вас больше всего на свете, а потому вы и теперь мне дороги... Я так любил эти волосы, эти руки, это лицо... Для чего вы пудритесь, Софья Егоровна? Бросьте! Эх! Попадись вы другому человеку, вы скоро бы поднялись, а здесь вы еще больше погрязнете! Бедная... Будь у меня, несчастного, силы, вырвал бы я с корнем и себя и вас из этого болота...

Пауза.

Жизнь! Отчего мы живем не так, как могли бы?!

Софья Егоровна (*встает и закрывает руками лицо*).
Оставьте меня!

В доме шум.

Отойдите! (*Идет к дому*.)

Платонов (*идет за ней*). Отнимите от лица руки! Вот так! Вы не уедете? Ведь нет? Будемте друзьями, Софи! Ведь не уедете? Мы будем еще беседовать? Да?

В доме усиленный шум и беганье по лестнице.

Софья Егоровна. Да.

Платонов. Будемте друзьями, моя дорогая... Зачем нам быть врагами? Позвольте... Еще пару слов...

Выбегает из дома Войницев и за ним гости.

Я В Л Е Н И Е X I X

Те же, Войницев с гостями, потом Анна Петровна и Трилецкий.

Войницев *(вбегая)*. Ах... Вот они, самые главные! Идем фейерверки зажигать! *(Кричит.)* Яков, к реке марш! *(Софье Егоровне.)* Не передумала, Софи?

Платонов. Не уедет, здесь останется...

Войницев. Да? В таком случае ура! Руку, Михаил Васильич! *(Пожимает Платонову руку.)* Я всегда верил в твое красноречие! Идем огни зажигать! *(Идет с гостями в глубину сада.)*

Платонов *(после паузы)*. Да, такие-то дела, Софья Егоровна... Гм...

Голос Войницева. Матап, где вы? Платонов!

Пауза.

Платонов. Пойду-ка, черт возьми, и я... *(Кричит.)* Сергей Павлович, подожди, не зажигай без меня! Пошли, братец, Якова ко мне за шаром! *(Убегает в сад.)*

Анна Петровна *(выбегает из дома)*. Подождите! Сергей, подожди, еще не все сошлись! Стреляйте пока из пушки! *(Софье.)* Идите, Софи! Чего приуныли?

Голос Платонова. Сюда, барынька! Затянем старую песню, не начиная новой!

Анна Петровна. Иду, моншер! *(Убегает.)*

Г о л о с П л а т о н о в а . Кто со мной в лодку? Софья Егоровна, не хотите ли со мной на реку?

С о ф ь я Е г о р о в н а . Идти или не идти? *(Думает.)*

Т р и л е ц к и й *(входит)*. Эй! Где вы? *(Поет.)* Иду, иду! *(Смотрит в упор на Софью Егоровну.)*

С о ф ь я Е г о р о в н а . Что вам нужно?

Т р и л е ц к и й . Ничего-с...

С о ф ь я Е г о р о в н а . Ну так и отойдите! Я не расположена сегодня ни беседовать, ни слушать...

Т р и л е ц к и й . Знаю, знаю...

Пауза.

Мне ужасно почему-то хочется провести пальцем по вашему лбу: из чего он у вас сделан? Ужасно хочется!..

Не для того, чтобы оскорбить вас, а так... для контенансу...

С о ф ь я Е г о р о в н а . Шут! *(Отворачивается.)* Не комик, а шут, паяц!

Т р и л е ц к и й . Да... Шут... За шутовство я и харчи получаю от генеральши... Ну да-с... И деньги карманные... А когда надоем, меня с позором выгонят из этих мест. Ведь верно говорю-с? Впрочем, это не я один говорю... Это говорили и вы, когда изволили гостить у Глагольева, этого масона нашего времени...

С о ф ь я Е г о р о в н а . Хорошо, хорошо... Очень рада, что вам передали... Теперь вы знаете, значит, что я умею отличать шутов от остроумных людей! Будь вы актером, вы были бы фаворитом райка, но партер шикал бы вам... Я вам шикаю.

Т р и л е ц к и й . Острота удачна до сверхъестественности... Похвально... Честь имею кланяться! *(Кланяется.)* До приятного свидания! Побеседовал бы еще с вами, но... робею, поражен! *(Идет в глубину сада.)*

С о ф ь я Е г о р о в н а *(стучит ногой)*. Негодный! Не знает он, какого я о нем мнения! Пустой человечиска!

Г о л о с П л а т о н о в а . Кто на реку со мной?
 С о ф ь я Е г о р о в н а . Ээ... Чему быть, тому не миновать! *(Кричит.)* Иду! *(Убегает.)*

Я В Л Е Н И Е Х Х

Г л а г о л ь е в 1 и Г л а г о л ь е в 2 выходят из дома.

Г л а г о л ь е в 1. Лжешь! Лжешь, скверный мальчишка!

Г л а г о л ь е в 2. Что за глупости? С какой стати я буду врать? Спроси ее самое, если не веришь! Как только ты ушел, я вот на этой самой скамье шепнул ей два-три слова, обнял, чмокнул... Попросила сначала три тысячи, ну а я поторговался и сошелся на тысяче! Дай же мне тысячу рублей!

Г л а г о л ь е в 1. Кирилл, дело идет о чести женщины! Не пачкай этой чести, она свята! Замолчи!

Г л а г о л ь е в 2. Клянусь честью! Не веришь? Клянусь всем святым! Дай же тысячу рублей! Я сейчас же поднесу ей эту тысячу...

Г л а г о л ь е в 1. Ужасно... Лжешь ты! Она пошутила с тобой, с глупцом!

Г л а г о л ь е в 2. Но... Обнял ее, тебе говорят! Что же тут удивительного? Все женщины теперь таковы! Не верь их невинности! Знаю я их! А ты еще тоже жениться хотел! *(Хочет.)*

Г л а г о л ь е в 1. Ради бога, Кирилл! Ты знаешь, что такое значит клевета?

Г л а г о л ь е в 2. Дай тысячу рублей! Я при тебе вручу ей эту тысячу! На этой самой скамье я обнял ее, поцеловал и поторговался... Клянусь! Чего же тебе еще нужно? Для того я и прогнал тебя, чтобы с нею поторговаться! Он не верит, что я умею побеждать женщин! Предложи ей две тысячи, и она твоя! Знаю я женщин, брат!

ГЛАГОЛЬЕВ 1 (*вынимает из кармана бумажник и бросает его на землю*). Возьми!

ГЛАГОЛЬЕВ 2 поднимает бумажник и считает деньги.

ГОЛОС ВОЙНИЦЕВА. Я начинаю! Матап, стреляйте! Трилецкий, полезай на беседку! Кто это на коробку наступил? Вы!

ГОЛОС ТРИЛЕЦКОГО. Лезу, черт меня подери! (*Хохочет*.) Кто это? Бугрова раздавили! Я Бугрову на голову наступил! Где спички?

ГЛАГОЛЬЕВ 2 (*в сторону*). Я отмщен! (*Кричит*.) Ура-а-а! (*Убегает*.)

ТРИЛЕЦКИЙ. Кто это там орет? Дайте ему по шеем!

ГОЛОС ВОЙНИЦЕВА. Начинать?

ГЛАГОЛЬЕВ 1 (*хватает себя за голову*). Боже мой! Разврат! Гной! Я молился ей! Прости ее, господи! (*Садится на скамью и закрывает лицо руками*.)

ГОЛОС ВОЙНИЦЕВА. Кто веревочку взял? Матап, как вам не стыдно? Где моя веревочка, что тут лежала?

ГОЛОС АННЫ ПЕТРОВНЫ. Вот она, ротозей!

ГЛАГОЛЬЕВ 1 (*валится со скамьи*).

ГОЛОС АННЫ ПЕТРОВНЫ. Вы! Кто вы? Не топчитесь здесь! (*Кричит*.) Дай сюда! Дай сюда!

Вбегает Софья Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ XXI

Софья Егоровна (*одна*).

Софья Егоровна (*бледная, с помятой прической*). Не могу! Это уж слишком, выше сил моих! (*Хватает себя за грудь*.) Гибель моя или... Счастье! Душно здесь!.. Он или погубит,

или... вестник новой жизни! Приветствую, благословляю...
тебя, новая жизнь! Решено!

Г о л о с В о й н и ц е в а (*кричит*). Берегись!

Фейерверк.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Лес. Просека. У начала просеки, с левой стороны — школа. По просеке, теряющейся вдали, тянется полотно железной дороги, которое возле школы поворачивает направо. Ряд телеграфных столбов. Ночь.

Я В Л Е Н И Е I

С а ш а (*сидит у открытого окна*) и О с и п (*с ружьем через спину, стоит перед окном*).

О с и п. Как это случилось? Очень просто... Иду я по узлеску, недалеко отсюда, смотрю, а она стоит в балочке: подсушила платье и лопухом из ручья воду черпает. Зачерпнет да и выпьет, зачерпнет да и выпьет, а потом голову помочит... Я спустился вниз, подошел близко да и гляжу на нее... Она и внимания не обращает: дурак, мол, ты, мужик, мол, зачем же мне на тебя внимание обращать в таком случае? «Сударыня, говорю, ваше превосходительство, попить холодной водицы, знать, захотели?» — «А тебе, говорит, какое дело? Ступай отсюда туда, откуда пришел!» Сказала и не смотрит... Я обробел... Меня и стыд взял, и обидно стало, что я из мужицкого звания... «Чего смотришь на меня, дуралей? Не видал, говорит, никогда людей, что ли?»

И посмотрела на меня пронизательно... «Аль, говорит, понравилась?» — «Страсть, говорю, понравились! Уж такая вы, ваше превосходительство, благородная, чувствительная особа, такая красавица... Красивей вас, говорю, отродясь не видал... Наша деревенская красавица Манька, сотского дочка, говорю, супротив вас лошадь, верблюд... Нежности в вас сколько! Поцеловал бы кажись, говорю, да и помер бы на этом самом месте!» Она засмеялась... «Что ж, говорит. Целуй, коли хочешь!» Меня после этих самых слов в жар бросило. Подошел я к ней, взял ее тихонько за плечико и поцеловал со всего размаху вот тут, в это самое место, в щечку и в шейку зараз...

С а ш а (*хохочет*). Она же что?

О с и п. «Ну теперь, говорит, проваливай! Умывайся, говорит, почаще да ногти себе не запускай!» Я и отошел.

С а ш а. Какая она смелая! (*Подает Осипу тарелку щей.*) На, кушай! Присядь где-нибудь!

О с и п. Не велик барин, и постою... Очень вам благодарен за ваше дружелюбие, Александра Ивановна! Я вам когда-нибудь за ваши ласки одолжение сделаю...

С а ш а. Сними шапку... В шапке грешно есть. Ты с молитвой кушай!

О с и п (*снимает шапку*). Давно уж я этих святостей не соблюдал... (*Ест.*) И с той поры я как будто очумел... Верите ли? Не ем, не сплю... Всё она у меня перед глазами... Закрою, бывало, глаза, а она перед глазами... Таковую нежность на себя напустил, что хоть вешайся! Чуть было не утопился от тоски, генерала хотел подстрелить... А когда овдовела, начал я всякие поручения исполнять... Куропаток ей стрелял, перепелов ловил, беседочку ей разноцветными красками выкрасил... Волка ей однажды живого привел... Всякое удовольствие ей доставлял... Бывало, что ни прикажет, всё исполняю... Приказала бы самого себя слопать, себя бы слопал... Нежные чувства... Ничего с ними не поделаешь...

С а ш а . Да... Я когда полюбила Михаила Васильича и не знала еще, что он меня любит, тоже ужасно тосковала... Несколькo раз у бога, грешница, смерти даже просила...

О с и п . Вот видите-с... Чувства такие... *(Выпивает из тарелки.)* Не пожалуете ли еще щец? *(Подает тарелку.)*

С а ш а *(уходит и через полминуты появляется у окна с кастрюлькой.)* Щей нет, а вот не хочешь ли картофли? Жареная на гусином жиру...

О с и п . Мерси... *(Берет кастрюльку и ест.)* Страсть, как наелся! И вот этак ходил я, ходил, как очумелый... Я все про то же, Александра Ивановна... Ходил, ходил... Приношу ей в прошлом году после Святой зайчика... «Вот извольте, говорю, ваше превосходительство... Косого зверинца вам принес!» Она взяла его на руки, погладила да и спрашивает меня: «Правду ли говорят, Осип, что ты разбойник?» — «Истинная, говорю, правда. Не станут люди понапрасну говорить...» Взял и рассказал ей всё... — «Надо, говорит, тебя исправить. Ступай, говорит, пешком в Киев. Из Киева ступай в Москву, из Москвы в Троицкую Лавру, из Троицкой Лавры в Новый Иерусалим, а оттуда домой. Сходи и через год ты другой человек будешь». Напустил я на себя убожество, надел сумочку и пошел в Киев... Не тут-то было! Исправился, да не совсем... Славная картошка! Связался под Харьковом с почтенной компанией, прошил денежки, подрался и воротился назад. И пачпорт даже потерял...

Пауза.

Теперь ничего от меня не берет... Сердится...

С а ш а . Почему ты в церковь не ходишь, Осип?

О с и п . Я пошел бы, да того... Народ смеяться станет... Ишь, скажет, каяться пришел! Да и ходить около церкви днем страшно. Народу много — убыют.

С а ш а . Ну, а за что ты бедных людей обижаешь?

О с и п . А за что их не обижать? Не вашего ума это дело, Александра Ивановна! Не вам рассуждать о грубостях. Не вам понять. А Михаил Васильич никого не обижает?

С а ш а . Никого! Он если и обидит кого-нибудь, то нехотя, нечаянно. Он добрый человек!

О с и п . Я, признаться, его более всех уважаю... Генералчонок Сергей Павлыч глупый человек, неумный; братец ваш тоже неумный, хоть и в докторях, ну а в Михаиле Васильиче много умственных способностей! У него есть чин?

С а ш а . А как же? Он коллежский регистратор!

О с и п . Ну?

Пауза.

Молодчина! Так у него и чин есть... Гм... Молодчина! Доброты у него только мало... Все у него дураки, все у него холоуи... Нешто можно так? Ежели б я был хорошим человеком, то я так бы не делал... Я этих самых холоуев, дураков и жуликов ласкал бы... Самый несчастный народ они, заметьте! Их-то и нужно жалеть... Мало в нем доброты, мало... Гордости нет, запанибрата со всяким, а доброты ни-ни... Не вам понять... Покорнейше благодарю! Век бы целый такую картошку ел... *(Подает кастрюльку.)* Благодарю...

С а ш а . Не за что.

О с и п *(вздыхает)*. Славная вы женщина, Александра Ивановна! За что вы меня каждый раз кормите? У вас, Александра Ивановна, есть хоть капелька женской злобы? Благочестивая! *(Смеется.)* В первый раз такую вижу... Святая Александра, моли бога о нас грешных! *(Кланяется.)* Радуйся, святая Александра!

С а ш а . Михаил Васильич идет.

О с и п . Обманываете... Он в настоящий момент с молодой барыней про нежные чувства рассуждает... Красивый он у вас человек! Коли б захотел, так за ним весь женский пол пошел... Краснобай такой... *(Смеется.)* Всё к генераль-

ше ластится... Ну та и нос натрет, не посмотрит, что он красивый... Он хотел бы, может быть, да она...

С а ш а. Ты уж начинаешь лишнее болтать... Я не люблю этого... Иди с богом!

О с и п. Сейчас пойду... Вам давно уже пора спать... Небось мужа поджидаете?

С а ш а. Да...

О с и п. Хорошая жена! Платонов, должно быть, такую жену себе десять годов искал, со свечками да с понятами... Нашел-таки где-то... *(Кланяется.)* Прощайте, Александра Ивановна! Спокойной ночи!

С а ш а *(зевает)*. Ступай с богом!

О с и п. Пойду... *(Идет.)* Пойду к себе домой... Мой дом там, где пол земля, потолок небо, а стены и крыша неизвестно в каком месте... Кого бог проклял, тот и живет в этом доме... Велик он, да негде голову положить... Только и хорош тем, что за него в волость поземельных платить не надо... *(Останавливается.)* Спокойной ночи, Александра Ивановна! В гости пожалуйте! В лес! Спросите Осипа, каждая птица и ящерица...

Посмотрите-ка, как пенек светится! Как будто мертвец из гроба встал... А вон другой! Моя мать мне говорила, что под тем пеньком, который светится, грешник зарыт, а светится пенек для того, чтоб молились... И надо мной будет пенек светиться... Я тоже грешник... А вон и третий! Много же на этом свете грешников! *(Уходит и минуты через две свистит.)*

Я В Л Е Н И Е II

С а ш а.

С а ш а *(выходит из школы со свечой и книгой)*. Как долго Миши нет... *(Садится.)* Как бы он себе здоровья не испортил... Эти гулянья ничего не дают, кроме нездоровья... Да и мне